

СМЕНА

№ 1

ЯНВАРЬ
1934 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦИ ВКП(б) «ПРАВДА»

XVII

С'ЕЗД В.К.П(б)

В 1934 г. просверляют под Москвой первые поезда метро. Тысячи рабочих прокладывают Большовистские туннели через глыбы, воду, лед и камень. Только героическая работа лучших ударников, руководимых партией большевиков, может быстро разрешить транспортную проблему в центре Советской страны.

Рабочие московского метрополитена — ударные участники поезда имени XVII съезда партии. На снимке лучший протодичи молодежной бригады шахты № 16, молодой коммунист А. Лебасев.

встречают

XVII С'ЕЗД

ПАРТИИ

На протяжении империализма Советская страна отвечает угрозам своим оборонительными во всех областях строительства.

Высокая военная техника дополняет высокую советскость и дисциплинированность Красной армии. Уверенность в походе им. XVII партсъезда бойцы овладевают техникой и соревнуются между собой на лучшее выполнение обязательств.

На снимке: красноармейцы Николаева изучают ручную пулемет Дегтерева. Волеет авиации младший командир Торкин.

Святая техника семени всасывания в колхозном хозяйстве. Прибавляется большевистская жеска. К севу по севоме зерно должно быть чистым и злоронным. Стопроцентная жескость семени обеспечит высокую урожайность. Комсомольская дружба колхоза «Большевик» Ново-Сокольнического района, Западной области, в XVII съезде партии проверяет подготовку в севу, Комсомольцы Калужского, Иванов, Кудрявцев и Холмова проверяют качество всасывания адмосферы.

Новые литейные заводы возникают в разных частях Советского союза. Лито рожает стальная литея конвейеры: она проносит на себе формы, сделанные машиной, мимо котла с расплавленным чугуном... Наряду с новыми литейными цехами мы не отказываемся от старых литейных и от ручной формовки. Ударная работа формовочного завода «Красный металлист» позволяет бесперебойно снабжать фасонными трубами предприятия Москвы и Ленинграда.

Комсомольская бригада формовщиков им. XVII партсъезда взяла на себя обязательство повысить производительность труда.

Изображенные на фотографии комсомольцы Скомоорова, Кротов, Захаров и Мишин по-боевому выполняли втятые на себя обязательства: вместо полагающихся по норме шести труб они формуют двенадцать.

РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ:

Е. Кругов — Путь к оружию	3
Р. Фатеев — Малах	6
И. Водников — Поиски двулинии	7
М. Остроговой — Вспыхнул огонь ружья	10
Д. Касьял — Динамика третьей среды	12-13
М. Гольдберг — Рождение слова	14
А. Грошев — Комбинат солнца, воздуха и воды	16
М. Черныш — Вера, надежда и вылет венской страны — УЛК	10
П. Иванюков — Всплеск, которое детство	20
Н. Москалина — Умный мирок	21
П. Добровольский — Мой первый раскол	22
Ударники встречают XVII съезд партии (фотохроника)	22

СТИХИ:

С. Кривошев — Ленин	4
П. Железнова — Страна алмазников	8
Шамаева — Вотнички — Флор	23

РИСУНКИ:

Е. Прокруткиной, С. Фиса, В. Ковалева, А. Коса, В. Вавина, Страничный рисунок «Ленин» — Ник. Аванкулова	4
---	---

Обложка худ. Ник. Аванкулова

ФОТО:

Д. Дебабова, Е. Лемберг, И. Шагина, П. Онуфриев и «Сокофоту»

Оформление номера худ. Кеса.

ПОПРАВКА. В очерке Евг. Кругова «Молодость летнего поколения» («Метель» № 16, 1933 год, стр. 11), строку 24 снизу надо читать «Слова рабочего класса с крестьянством».

ЛЕНИН

Литературно-художественный,
общественно-политический и
бытовой журнал рабочей молодежи

Берг. КРИГЕР

Орган ЦК и МК ВЛКСМ
Малочислен(о) „Права“

№ 1
1 9 3 4

11-й год издания

Адрес: Москва, Центр, Малый Черкинский пер., д. 3/4.
Тел. 2-89-28.

Написать арбком Ленин...
1, Кос река, А. В...
17 Ювца, К. В...
(Исполномление президиума ЦКК СССР)

Одна из любимых книг этого молодого человека — «Кавитанская дочка» Пушкина. Грудью, извлекать пути, по которому книга идет к человеку и наконец планет ее. Почему Юдия избрала «Кавитанскую дочку», он сам не знает. Это случилось после долгого пути из Самары в Среднюю Азию, когда мать его, прачка, в 1921 г. перебралась поближе к теплу и хлебу. Мальчик увидел новую землю, новых людей, новое, безумное солнце. Пламенные крылья домов, поросшие травой, как зеленые поляны. Пустыня вокруг голубого от многих теней города. И люди, жемчужины, топонимы.

Мальчик перечитывал «Кавитанскую дочку» несколько раз. Может быть потому, что это одна из реалий в русской литературе книг со известностью допотопической, опасностей, перемен.

Но вот как быть с «Евгением Онегиным»? Вот вторая из любимых книг Юдия. Как он относится к молодому разочарованному повесу? Ведь дистанция между Юдием и Онегиным приблизительно такая, как между поколениями XX в. и героем томарской «Ильды». Если отнять от этого романа гениальную музыку Пушкина, его светлый разум, зачатый в являющей строфе, освещенный слез, то что общего останется у молодого человека Юдия с молодым человеком Онегиным?

Впрочем все это очень поверхностные заключения... взаимности человека и книги очень сложны.

Во всяком случае нужно отметить, что к 21 году Юдия уже пережит неизмеримо больше событий, чем Евгений Онегин переживал за всю свою жизнь.

Судите сами.

Окончив в Ташкенте пять классов школы, Юдия решил помогать своей матери. Она порекомендовала работать по прачке, то уборщицей. Шестнадцать лет юности отравился в глубь Узбекистана на хлопковую селекционную станцию. Его прощание совпало с реальным переселением в нашу страну молодых растений, культуру, когда-то ей незнакомых. Юдия поступил в союз чернорабочим.

Мальчик работал честно и с увлечением, хотя возник с долгой пришлось ему не очень по душе. Хотелось капитанить на тракторе, с ревом, треском и вярнами бороздить из края в край бесконечную землю, вздымать корни и пни, ворочать и мять черную землю, чтобы прождать ее к жизни.

Одно из свойств нашей страны между прочим заключается в том, что когда юноши мечтают, то мечта их воплощается.

Юдия поступил на курсы трактористов. Тут случился мобилизация комсомольцев на работу в МТС, и новый тракторист проществовала на новую хлопковую станцию в Мирзачульск, бывший Сыр-Дарьинский, район. Он почувствовал себя в некотором роде Христофором Колумбом. Хлопок проществовал в пустыню. Пустыня являлась чужеродными гололами, ревом тракторов. Верблюдам тащили на себе станки и оборудование в ремонтные мастерские. Удивленно наблюдал котечники, как прочно и верно становится на ягдор молодая цивилизация. Оглядываясь проследил тьму до самого горизонта пышный луч фонаря. Шел трактор.

Впрочем мальчишка Юдия вскоре стал из трактора и посядал в райком комсомола на организацию бригад. Он брыкался, ибо привык к залуку бензина, к мощному крику своей машины. Пришлось перебраться на работу с живыми людьми. 19-летний мальчик учился распознавать человека с первого взгляда. Он подбирая человека к человеку, характер к характеру. Так получалась бригада. Мальчик умел отгадать человеческий мусор. Он был совершенно безжалостен к врагу, лютый, прохладнее. В то же время он с величайшим старанием повелевал в бригаде узбеков и киргизов. Острота взгляда, умение увидеть человека, почувствовать врага, подать руку помощи когда-то обделенным людям—этому учила Юдия ягджа, учила партия.

Когда сыр-дарьинские пустыни стали на зорь было им менее основательно, сын прачки был перебранным секретарем комсомола в Ургун-Абатский район. Помысливалось в том времени, в котором юноши Онегин постиг науку вековой и томной скуки, сопровождаемой перебиранием в руках не четок, а манящих инструментов, юноша Юдия вел работу с полуживыми племенами. В Ургун-Абатском районе он надел 3 экипажа. Один—полурусский, в нем собралась потомки людей, изгнанных из России царями. Другой—узбекский. И третий—калошуну узбекский, калошуну киргиз-казахский. Вот эти последние поколения и порубовала много хлопот. Сотнями лет эти люди кочевали с верблюдами в горах степей, оставшаяся лишь на зиму в местах, где особенно тучна трава, вырылись на омованной земле. Отстающие был выдел на 150 верблюдах и 1,500 быками. В этот на рождение колохоза они немедленно порезали своих верблюдов и баранов. Мальчик с головой ушел в изучение и ликвидацию ролевой вражды, ибо, к несчастью, в одном колохозе сошлись два непри-

мирных рода. Замечательное явление представлял президиум общего собрания в этом колохозе. Представители двух враждующих сторон сидели за разными концами стола и немалоду вступали в словесную—до поры до времени—битву. Мальчик Юдия вместе с товарищами для укрощения страстей становился то Союзником, то Максимальцем, то немалым Садиком. В конце концов злостных зачинщиков, связанных с бляжи, пришлось выселить в вередья потынокую усадьбу.

Юдия занялся новой проблемой. Ему везло на проблемах, связанных с вековой традицией. Он принял участие в привлечении к труду узбекских женщин. Это давалось нелегко, ибо встречалось даже коммунисты-узбеки, но жаленье отступать ему не доумо. Пожалеешь затруднилось тем, что нельзя было разговаривать с узбечками непосредственно, ибо старой закон запрещал им встречу с чужими мужчинами. Прямодействие действовало через женщин. Юдия с друзьями добился того, что в страдную пору выехал на сев половина всех женщин-узбечек, а на уборку двинулись все и все женщины трех колохозов. Юдия приняла деятельное участие в солидном ясле. Юноша, бредящий металлом, мотушествовыми машинами, паром и электричеством, ковался в смирных планках. Хотя же, эта работа имела глубоко революционное, историческое значение.

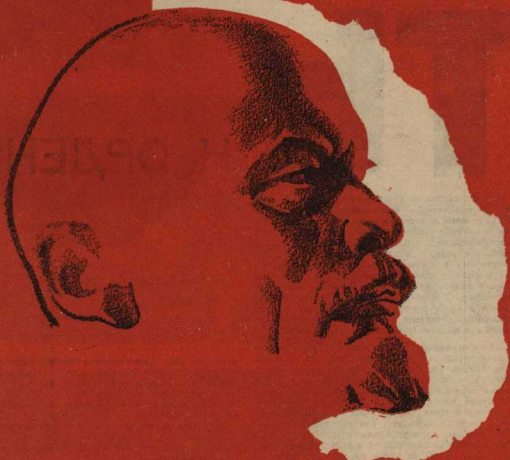
В августе 1931 г. Юдия заболел злокачественной малярией. Климат Средней Азии был вреден для него. Врачи потребовали немедленного возвращения в старобитскую часть Союза.

Так окончился сельскохозяйственный этап в жизни Юдия и начался индустриальный. Возвратившись в Европу, сын прачки имел в варамах пустыни, освещенные при его помощи водой и хлопком, осенние на землю кожные племена, множество

... Мы были, есть и останемся „молодой гвардией“ социалистической страны, первой большевистскому ЦК ВКП(б), первой воюющей мировой пролетариата, лучшему нашему учителю и другу Иосифу Виссарионовичу Сталину. Мы завяжем ЦК ВКП(б) и вам, т. Сталин, что каждый комсомолец считает для себя честию выполнить любое задание, любое поручение партии и пролетарского государства, каждый комсомолец готов по первому зову отдать все свои силы, отдать свою жизнь за дело партии Ленина, за дело Сталина, за мировую революцию...

(Из письма ЦК ВЛКСМ к ЦК ВКП(б) и к т. Н. В. Сталину)

ЛЕНИН

ЛЕНИН—

всего пять букв,
а скажешь—
на всех заводах
поднимутся рощи рун
готовых
на смерть и подвиг.

ЛЕНИН—

с винтовкой в ряд,
и сразу:
рабства не терлим!
И негр
белому
брат
под знаменем молотосерпым.

ЛЕНИН—

посмотришь раз:
хрустально—
чистая линза

в ней видит

милыоны глаз
все контуры социализма.

ЛЕНИН—

возглас один:
и сразу
шагаешь стойко
и орденом

бьются
в груди
жизнь,
партия,
стройна.

ЛЕНИН—

у башен Кремля
земля
и нему прикасается...
Из нищенки
наша земля
делается красавицей.

ЛЕНИН—

гранитная твердь
временем
не поколеблена,—
на труд,
на героизм,
на смерть—
готовы
под знаменем Ленина!

ЛЕНИН—

из всех имен
два
над землею
стали—
всей
рабьей семьей
поднято знамя:

СТАЛИН!

жителей, освобожденных от тяжелой работы. Доброй путы! Молодой человек XX. советского века за четыре года успел познать так, как велика Провальская, Ленинская или Миклаша-Малая. Оказано принадлежность к союзу коммунистической молодежи позволила ему достигнуть за 4 года больших результатов в распространении подлинной цивилизации, чем тобился три эти, больших человека за всю свою жизнь.

И вот Москва. Двухдневный забегарод, ветряные электротрансы, шарнирные в толсе с багамом, привозная площадь.

Хотя происходило это всего лишь 3 года назад, Москва выглядела иначе, чем в наши дни. Юдуну пришлось например знакомиться с индустрией как бы с иностранной территории. То была Швеция или во всяком случае не кусочек. Юдуну послана на комбинатский шарнироподшипниковый завод «СКГ», сейчас он именуется заводом № 2.

Первые 3—4 дня Юдуну просто стоило на этом заводе. Стайки не слышно новой конструкции орака, как огашившиеся. Светятся и шашалы возле каждого станка приводные ростверы, ибо не было у машины индивидуальных моторов.

Юдуну поставили на керосиновую шарниров шариков. Он учился 7 месяцев, но мало чем научился. Русских мастеров не боялся, а шведов готовился в свойственной ему осторожности в советские руки. Юдуну познакомили с микрометром, научили измерять шарнировые шарик, но самостоятельно выпустить готовый шарик они не умели.

В феврале 1932 г. кончилась работа на территории советской индустрии. Она была значительно просторней. Можно было сказать, но сколько раз она была просторней. В 30 раз! Завод «СКГ» ушел в историю нечаянно. Первый же шарнироподшипниковый завод им. Кагановича вывел 38 гектаров бывшего Сукина болота. Даже привычные к степям Юдуну удивились просторности новых деках. В новых деках приблизительно столько же солера, сколько полагается на любое москвиче, шагающего под открытым небом по улице. И потом тишина. Конечно это не абсолютная тишина, но все же после рая и волята шарниров «СКГ» — это тишина! Разница была же, как между буржуйской-растайной бранешью по бумажинку и бархатным беззвучием «бюлика».

Полобов Авраам, театрал, завод оборудовал у себя вестрибл. Двоим в том, что здесь самая лучшая дека была так как до начала работы, чтобы избежать ступолам и базара. Рабочие имеют возможность переждать так в вестрибле, завести патефон, включить радио, посмотреть новую книгу, сморкаться в шарнирове Оксиде. Выпускаться и отправиться первые шарники. Бригада после работы молилась спать возле станков. Иногда работали по 40 часов подряд. После штильвания, пыловки коды и шуруты и биты шарнировые колеса делались подлиннее и больше на завод № 2, ибо новые накатывали лучи еще не были готови. Спешка была убавлена.

И вот Юдуну почувствовал, что о нем забыты приблизительно так, как сам он заболелся о розовых комочках сива и пшаса в забуксывающих колесах.

Оказало есть за что заболеться о Юдуне. В предыдущий период он вошел в бригаду Шюффера. Гретьми в бригаде Оксиде. Выпускаться и отправиться первые шарники. Бригада после работы молилась спать возле станков. Иногда работали по 40 часов подряд. После штильвания, пыловки коды и шуруты и биты шарнировые колеса делались подлиннее и больше на завод № 2, ибо новые накатывали лучи еще не были готови. Спешка была убавлена.

В день открытия завода полнораз шариков накатывали за 9 часов.

А в 11 часов в цех уже входили гости. 50 кг шариков были готовы.

Вскоре бригада выросла до 5 чел. Первые дни работали так, что один человек работает, а три смотрят ему через плечо: или учатся, или тоже смотрят.

Предлагов для сомнения бездны.

Шарик рождается вынужденно груднее, нежалея человека. Проще всего он должен быть абсолютно круглым, что как известно, для человека необязательно.

Кроме того шарик измывается микронами. Микроны — это частицы миллиметра. Если в шарике обнаружена овальность в полмикрона, шарик погиб. В подлиннике он даст шум, подлиннике расшатается, он будет шарнир в два раза меньший срок, чем обычно.

Юдуну заваливали шарники в шарнировый станок, как засыпают в магазинные колы в электрическую машину. В зависимости от калибра он засыпал или 35, или 40, или 60 кг шариков в одну партию. 30 минут он тратит на то, чтобы подрабать шарники в машине.

Затем он давал на шарик давление. Солидное давление да так, что вальцовый шпуги, как плафон, — от 2 до 3 тонн. Другими словами, до 300 пудов. Грузоводимость мочуемого ярославско-

го грузавилки Под таким давлением аудиовидной или карборундовой камень снимает с шарика предельную шероховатость.

Нужно уложить минутку, когда пришла пора слегка отпустить давление. У вальцового рабочего есть опыт, в котором толщина примерно столько же, сколько шарниров шариков. Вот давление отпустило. Шарик на 10—15 микрон тоньше, чем он будет в готовом виде. Это «припуск». С таким «припуском», т. е. лишком, шарик идет на доводку, где его опять шарнируют, но полетче, не карборундом, а чугунным диском.

Затем полируются. И вот шарик блистает своей лучшей поверхностью, изумительной точностью. Он выделается так же, как родным, таким естественным и совершенным, будто сама природа произвела его на свет в таком виде.

А в него упрятан гололовоодевший человекоподобный труд, бесчисленные часы колесной бригады. Наконец бригада овладела техникой шариков «9,32» и «6,16».

Наконец путь Юдуну к ордену.

Завод получил задание на шарнироподшипники № 318 для авто тракторной промышленности. Бригада перешла к работе над новым шарником.

Разговорные чудовищной силы постыло неслыханное явление. Шарик универсальный финтовской стайки оказался непригодным для производства новых шариков.

С завистью вспоминал Юдуну Среднюю Азию, с ее шарнироподшипниковыми кранами, — тот во всем, как в сущности легко все это даюся! А вальтор стайки не подавал шарники на камень или подавал чертанеромом. Тут нужна дьявольская точность, тут на каждый шесту физика готовит пол воха, пружина, недоразумение! Ходил все время на вымочке, как балерина. Юдуну даже аскачка о верблюда. Какое в общем простое и малое животное!

По новым шарикам брак возрос к 90 проц. при норме в 1 проц. Есть отчего аскачку о верблюда!

Возмался, возмался с новым шарником, ничего не вышло.

Стеревшись от ревности, телеграфировал в Италию фирме-консултанту.

Прибыл в Москву инженер синьор Росси.

Дался ему ступок.

— Смотрите! — сказала Росси, — сейчас я дам нулевой шарик!

— Вот Росси стал работать, а все стайки смотрят.

— Брак два Росси. Смотрите два — брак два Росси. Смотрите три дня, четыре, пять! Брак, брак и брак!!!

Так смотрели на Росси 10 дней. Однако же удержали интеллоное уполномочительной кучи зареваемых шариков.

На десятом дне этого довольно глупой истории Росси плакнул в бросил все к черту.

Что же, — сказался на заводе, — вот Росси наконец ничего себе, наверно неплохой инженер. Н-да. Только помнит он в номере 318, известные за ревностью, шип!

Юдуну было не телеграфировать.

Итальянцы возврат стайки с шашками от дум глазами. Раз в пять дней он соизволял свое ребит послать работы. Приходил сюда мастер Назбог и в нас, цехом Флашюны. Сидел и думал. Ходила одна и думала. Не спала и думала. Спать и во сне тоже думала.

Все же жоо-жалея мысли уже релан в воображении. Тут повалился ятвлял, есай хотите, инферция!

Этангунговалась мысли: реконструировать станок, расточить внутренний диаметр элеватора, наварить приемник.

Сделали.

Юдуну победил и кляпю рубчиком.

О, синьор Росси. С чем можно сравнить баглешество и прелесть этой минутки! Убраю с доро-

КАПИТУН ЮДИН

ги крошечное препятствие, на которое напоролась 38-гектарная громада цеха, моторов, машин. Да здравствует воодно слившийся мисьял многих колес! Трактористы, подкачите подшипники! ... Синьор Росси снова наведется в цех, когда перестраивались нормы. Узнала, что времени на шарниров шариков отпущено 8 часов, но что бригада Юдуну выдала за 4 часа! — 6¼ часа.

— Дайте мне станок! — сказала Росси.

— Дали ему станок.

— Смотрите! — сказала Росси. — Сейчас я буду шарнирять шарники в 4¼ часа!

Все стайки смотрят и увидели, что Росси шарнирует шарика не меньше, чем в 11 часов.

Росси вторично плакнул и уехал домой, в Италию.

Завода мастера Юдуну в совершенстве овладела техникой «318» и шарнирует шарники в положенное стретриям ладном время — в 6¼ часа.

Точнейшая техника нового шарника не давала бы Юдуну так просто, но забавнее он внутри бригады вопросятся хохарачка. Юдуну были первыми людьми на заводе, вводившими хохарачек на самом трудном узле производства.

30 октября 1933 г. Юдуну пришел в цех и как всегда, заглянул к новым шарникам. Они лежали в лотках, как лежанка комола перед секретером средиземной ятвляки комола тепле, налитые молоком мальцены.

Через весь цех пошел к Юдуну лист записки.

Рядом с наименованием ордена он прочел там свои зима.

27 ноября его вызвали на заседание ЦИК СССР. Вместе с ним пришла 26 других колгов — из Ленинграда, с Украины, с Дона...

Тов. Енулядзе зачитал список награжденных орденом.

— Косарев, Салтанов, Андреев! — услышала юноша первые имена. И потом Енулядзе произнес имя Юдуну. Каплинские пролились малюную реку.

И вот орден. Что отменяет он на юдунской груди? Неудачливый в истории юности, Юность возмозможна, ученица коммунистической партии.

На замечательном заводе свой стрим молодой человек умелся своим спорил с иностранцами инженерами и победил. На замечательном этом заводе он обучает теперь соратников-комсомольцев основому новейшей технике. Они сдают тестажам, они уже сдали его, все, как один.

Юноша утверждает, что любит зятя Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Толстого. Да, это хорошие книги! Все же найдутся и юноша в зятях великих поблбных все людей, хотя он отнюдь не герой, и во всего лишь сын своего класса.

Но ведь это великое счастье, великая честь!

Рассказ

«В сених Рудужа все микронтцы перевезены были на северные ветки. Кисловский тогда воспользовался этим. В один из вечеров, когда шесть рудужинков возвращались домой, на них напали несколько парней и сорвали платки, но торскому удалось нырнуть им этим окорбленце, равное бесчестно. Все následные владомовно промывались. Посещение микронтцы слава на 80 парней» (Детская газета).

Суд был назначен в Гунибе, в самом центре исторического Дагестана.

Еще не настала и зима января, когда в дом Шагбабудина Микаилова, председателя суда, заступала нетерпеливая публика: пора начинать!

Минуту прибываи пидавала и хотела сесть на и ноги брата дома. Через пятнадцать минут Шагбабудина и двое заседатели — Абдураманов из Тега и Гуссейн из Геба — сидели за ярким столом.

Народу было столько, словно здесь, в Гунибе, собралась вся Авария. Стол вынесен на площадь. Квадратная площадь, когда-то учебный плац, была сплошь уседна полудесятиком людьми. Там и тут, тычас мордами, бродили сутане ишамы.

— Отвечайте подальше ковей и отгоните ишамы, суд приступает к разбору дела! — сказала Шагбабудина, старый партизан и редактор газеты «Новый Гуниб».

Быстрых и услужливых людей оказалось достаточно.

Подавляя такой свист, крик и ишамий рев, что Шагбабудина пришлось встать и пригнать к порядку. Сверху одеждана тышина восстановилась раньше, чем это можно было ожидать.

Шагбабудина сделала знак рукой. Низкорослый ишаминер пошел к столу справа припадывшего на левую ногу парня в большой свалчившемся пальте: видимо, она должна была слушала ему подушкой. Парень не слез со спины плаху и, завлек ее между колен, тяжело опустился на табурет. Поша Шагбабудина перебрала бумаги, но исподлобье огладала присутствующим, бласмысленно. И когда Шагбабудина снова повела его к столу, он нехотя поднялся и, кроме еще сильнее, подошел. Шагбабудина громко — сначала по-аварски, потом по-артистически — зачитала обвинительный акт. Парень не проявил ни малейшего интереса к делу, словно все это не относилось к нему.

Первые пять торопливо заданных Шагбабудина вопросов подсудимый, а с ним и публика, промолчали мимо ушей. Все знало, что он, столько ему лет, откуда он пошел: Омар Касимов, сын Керима, барановода из Рудужана. Только когда Шагбабудина спросил: «Признаете ли себя виновным?», тогда историкорисливо. Подсудимый ответил быстро, даже с некоторым восторгом:

— Не признаю!

Шагбабудина задала еще несколько вопросов, но ни на один не получила ответа: Гасалиев начал отмахиваться.

Тогда Шагбабудина вызвала к столу всех шестерых потерпевших. Стараясь спрятаться за спиной арта у арта, девушки несмело подошли.

— Расскажите, как было, Кусум, — обратился Шагбабудина к высшей, что стояла балала, потом давила.

— Когда мы вышли из сада, где учились, было совсем темно, — робко, начиная рассказывать Кусум, — и в зарод у дома Гаджинова раздался смех. Кусум замолчала.

— Ну? — подбодрила ее Шагбабудина.

— Как мне подбодрила люди в бурках, вырвали у нас рты ишамы, бросили нас в грязь. — Это было давно, знает весь аул. — Она помолчала, потом добавила: — После мы не могли зайти по аулу, все погнавша на нас и говорили...

— Да, это известно! — подтвердила Шагбабудина. — Но скажи, как случилось, что Омар ушел?

— Кусум потупилась.

— Не знаешь?

— Не знаю... — чуть слышно ответила Кусум.

— А ты, Фатимат?

— Не знаю... — еще тише, чем Кусум, ответила Фатимат, протяв к спину парату.

— Ну, а вы заключали, когда стали у вас отнимать ишамы? Побеждали?

— Сразу было! — подтвердила Кусум. — И мы никто не заметили! — открывая вопрос Шагбабудина, поторивалась сообщить она.

— Значит, никто не знает, как была пойма Омар? — Шагбабудина огладела всех шестерых, сбившихся в кучу, словно козы, девушек. — Нет?.. Ну, тогда сам расскажи.

Шагбабудина знала, что молчанье будет отбито на все вопросы, в которых было затрагивалось чье-либо имя: рудужинские нравы были ему хорошо известны. Они молчат потому, что так желали ни отдам, братья, весь род. А Шагбабудина знала, как vanno страх перед кровью.

— Вы громко закричали — на весь аул — и кинулись кто куда, — начала рассказывать Шагбабудина тихо, словно он сам был при этом. — Омар в то время остался и ушел с яркими прямо на гаджиновский двор. У него в руках было это... Шагбабудина подняла над столом истрепанный бубувар, — и вот это, — он повала большую черную чуху, — Омар хотел бежать дальше, но он боально ушиб ногу.

Шесть рудужинков еще ниже склонили головы.

— Ну, а сколько же было еще с ним? Трое, пятеро, семь, восемь человек? Так никто из нас и не знает?

— Все молчали.

— Омар говорит, что он был один. Верно это?

— Нет, неверно, — проговорила Фатимат, — была еще другие.

— И тоже рудужинцы?

— Да, рудужинцы.

— Значит ты, Фатимат, видела кто, если сама принимала в них рудужинцев?

— Ах! Да, только халком узнала, — смутно-ишамы, отбистла Фатимат.

— А ведь они были в бурках, — удивила ее Шагбабудина.

Фатимат покраснела и опустила голову на глаза.

— Суду нужно говорить правду, — выговорила Шагбабудина, — не бойтесь ничего: никто не посядет отомстить!.. Чья это чуха? — протянула вперед ладони, спросила она. — Туюс, Кусум? Нет? Чья же?

— Моя! — выходя вперед, вспыхнул, проговорила смуглая худенькая девушка.

Публика подальше ближе к столу. Те, что сидели, подылились и стало тесно, почти вперед уже никто не мог.

Ах! Да, только халком узнала, — смутно-ишамы, отбистла Фатимат.

— А ведь они были в бурках, — удивила ее Шагбабудина.

Фатимат покраснела и опустила голову на глаза.

— Суду нужно говорить правду, — выговорила Шагбабудина, — не бойтесь ничего: никто не посядет отомстить!.. Чья это чуха? — протянула вперед ладони, спросила она. — Туюс, Кусум? Нет? Чья же?

— Моя! — выходя вперед, вспыхнул, проговорила смуглая худенькая девушка.

Публика подальше ближе к столу. Те, что сидели, подылились и стало тесно, почти вперед уже никто не мог.

Ах! Да, только халком узнала, — смутно-ишамы, отбистла Фатимат.

— А ведь они были в бурках, — удивила ее Шагбабудина.

Фатимат покраснела и опустила голову на глаза.

— Суду нужно говорить правду, — выговорила Шагбабудина, — не бойтесь ничего: никто не посядет отомстить!.. Чья это чуха? — протянула вперед ладони, спросила она. — Туюс, Кусум? Нет? Чья же?

— Моя! — выходя вперед, вспыхнул, проговорила смуглая худенькая девушка.

Публика подальше ближе к столу. Те, что сидели, подылились и стало тесно, почти вперед уже никто не мог.

Ах! Да, только халком узнала, — смутно-ишамы, отбистла Фатимат.

— А ведь они были в бурках, — удивила ее Шагбабудина.

Фатимат покраснела и опустила голову на глаза.

— Суду нужно говорить правду, — выговорила Шагбабудина, — не бойтесь ничего: никто не посядет отомстить!.. Чья это чуха? — протянула вперед ладони, спросила она. — Туюс, Кусум? Нет? Чья же?

— Моя! — выходя вперед, вспыхнул, проговорила смуглая худенькая девушка.

Публика подальше ближе к столу. Те, что сидели, подылились и стало тесно, почти вперед уже никто не мог.

Ах! Да, только халком узнала, — смутно-ишамы, отбистла Фатимат.

— А ведь они были в бурках, — удивила ее Шагбабудина.

Фатимат покраснела и опустила голову на глаза.

— Суду нужно говорить правду, — выговорила Шагбабудина, — не бойтесь ничего: никто не посядет отомстить!.. Чья это чуха? — протянула вперед ладони, спросила она. — Туюс, Кусум? Нет? Чья же?

— Моя! — выходя вперед, вспыхнул, проговорила смуглая худенькая девушка.

Публика подальше ближе к столу. Те, что сидели, подылились и стало тесно, почти вперед уже никто не мог.

Ах! Да, только халком узнала, — смутно-ишамы, отбистла Фатимат.

— А ведь они были в бурках, — удивила ее Шагбабудина.

Фатимат покраснела и опустила голову на глаза.

— Суду нужно говорить правду, — выговорила Шагбабудина, — не бойтесь ничего: никто не посядет отомстить!.. Чья это чуха? — протянула вперед ладони, спросила она. — Туюс, Кусум? Нет? Чья же?

— Моя! — выходя вперед, вспыхнул, проговорила смуглая худенькая девушка.

Словно шива прошла по толпе; все головы повернулись на голос.

— А ну, удалец, или сюда! — крикнула Шагбабудина, приставила. — Откуда ты?

Расставив руки, прикладывая ступицы, к столу приблизилась маленькая мальчик и давольно до самых плеч, бараный шубе; он держал в руках большую грубошерстную кенку.

Омар осматривался.

— Нет закона, и свидетели брать мальчишку! — И сразу как-то весь смался, ухох...

— Она моя сестра, — тынула мальчонка в бок смуглую девушку. Она видела, что собралась с ней встать, а сейчас молчал! — Он с холодным презрением оглядел сестру. — Бонска!

— А ты? — спросила Шагбабудина.

— Я? Нет!

Тогда притиснула мальчонку к самому столу; он стоял, теснее пожимая носом края стола, запрокинула голову... Из-за черной сутанной юбки воротника выдвинулся синий без кворосторцы, так теснее кворосторцы носат рудужинские детдомовцы. Шагбабудина это сразу заметила.

— Проговорит? — спросила Шагбабудина.

— Да, — коротко ответил мальчонка, торопясь перейти к делу. Но Шагбабудина его останавливала:

— Как зовут тебя?

— Махал, — прикладывая голосом то особое значение, какое имеет это имя для каждого дагестанца, с гордостью ответил мальчонка.

— Ну, Махал, рассказывай все, что знаешь, да так, чтобы все слышали...

— Рассказывай? — переспросила, сверяла глазами. Махал. — Все?..

Он торопливо обернулся к публике. В этом коротком движении было столько решимости, что все сразу историкорисливо. Внимательно оглядел близлежащих и в халках тех, кто был еще пришед, он приподнял глаза к публике. Суд и публика с восхищением следили за его спокойным и рассудительным поведением: этот мальчик с синей кворосторцы словно заговорил на ишамы.

— Вот Гасалиев! — громко крикнула Махал, указывая пальцем на робкого юнчика парня. — Салд! — Махал огладела пронизывающим взглядом стоящего рядом с рибым.

И тогда, летя, начал втискиваться в толпу.

Но тут поднялся Шагбабудина:

— Охрану всех названных Махалем людей поручу ярким партизанам! Вниманно, товарищи!..

— Тотом, — проговорила Махал, — еще надо: Гасалиев, Гасалиев и Большой Махалом.

В эдаких риде пронозимо движение. Кто-то крикнула: «Держи», кто-то кинулся к колям. Миллионер историкорисливо взглянул на судью, не зная, остаться ли в халках тех, кто был еще пришед, он глядела в упор на Гасалива и Салда. Около них уже стояли два партизана с карабинами в руках.

Шагбабудина поступила срываемом карандаша по столу и одновременно сделала знак милиционеру не волноваться. Через несколько минут у толпу раздался толпу, трое партизан привели к столу Гасалива и Большого Магалом.

— Уме было в садле! — повывала на человека худенького роста, проговорил один из партизан, затряпывая шарфом.

Махал и девушка историкорисливо, давля место пришедшим.

— Ну, ты! — подняла руку Шагбабудина. — Продолжай, Махал!

И еще много из нашего историкорисливо салдала, и одновременно сказала знак милиционеру не волноваться. Через несколько минут у толпу раздался толпу, трое партизан привели к столу Гасалива и Большого Магалом.

— Уме было в садле! — повывала на человека худенького роста, проговорил один из партизан, затряпывая шарфом.

Махал и девушка историкорисливо, давля место пришедшим.

— Ну, ты! — подняла руку Шагбабудина. — Продолжай, Махал!

И еще много из нашего историкорисливо салдала, и одновременно сказала знак милиционеру не волноваться. Через несколько минут у толпу раздался толпу, трое партизан привели к столу Гасалива и Большого Магалом.

— Уме было в садле! — повывала на человека худенького роста, проговорил один из партизан, затряпывая шарфом.

Махал и девушка историкорисливо, давля место пришедшим.

— Ну, ты! — подняла руку Шагбабудина. — Продолжай, Махал!

И еще много из нашего историкорисливо салдала, и одновременно сказала знак милиционеру не волноваться. Через несколько минут у толпу раздался толпу, трое партизан привели к столу Гасалива и Большого Магалом.

— Уме было в садле! — повывала на человека худенького роста, проговорил один из партизан, затряпывая шарфом.

Махал и девушка историкорисливо, давля место пришедшим.

— Ну, ты! — подняла руку Шагбабудина. — Продолжай, Махал!

И еще много из нашего историкорисливо салдала, и одновременно сказала знак милиционеру не волноваться. Через несколько минут у толпу раздался толпу, трое партизан привели к столу Гасалива и Большого Магалом.

— Уме было в садле! — повывала на человека худенького роста, проговорил один из партизан, затряпывая шарфом.

Махал и девушка историкорисливо, давля место пришедшим.

— Ну, ты! — подняла руку Шагбабудина. — Продолжай, Махал!

И еще много из нашего историкорисливо салдала, и одновременно сказала знак милиционеру не волноваться. Через несколько минут у толпу раздался толпу, трое партизан привели к столу Гасалива и Большого Магалом.

— Уме было в садле! — повывала на человека худенького роста, проговорил один из партизан, затряпывая шарфом.

Махал и девушка историкорисливо, давля место пришедшим.

— Ну, ты! — подняла руку Шагбабудина. — Продолжай, Махал!

И еще много из нашего историкорисливо салдала, и одновременно сказала знак милиционеру не волноваться. Через несколько минут у толпу раздался толпу, трое партизан привели к столу Гасалива и Большого Магалом.

— Уме было в садле! — повывала на человека худенького роста, проговорил один из партизан, затряпывая шарфом.

Махал и девушка историкорисливо, давля место пришедшим.

— Ну, ты! — подняла руку Шагбабудина. — Продолжай, Махал!

И еще много из нашего историкорисливо салдала, и одновременно сказала знак милиционеру не волноваться. Через несколько минут у толпу раздался толпу, трое партизан привели к столу Гасалива и Большого Магалом.

— Уме было в садле! — повывала на человека худенького роста, проговорил один из партизан, затряпывая шарфом.

Махал и девушка историкорисливо, давля место пришедшим.

— Ну, ты! — подняла руку Шагбабудина. — Продолжай, Махал!

И еще много из нашего историкорисливо салдала, и одновременно сказала знак милиционеру не волноваться. Через несколько минут у толпу раздался толпу, трое партизан привели к столу Гасалива и Большого Магалом.

— Уме было в садле! — повывала на человека худенького роста, проговорил один из партизан, затряпывая шарфом.

Махал и девушка историкорисливо, давля место пришедшим.

— Ну, ты! — подняла руку Шагбабудина. — Продолжай, Махал!

И еще много из нашего историкорисливо салдала, и одновременно сказала знак милиционеру не волноваться. Через несколько минут у толпу раздался толпу, трое партизан привели к столу Гасалива и Большого Магалом.

— Уме было в садле! — повывала на человека худенького роста, проговорил один из партизан, затряпывая шарфом.

Махал и девушка историкорисливо, давля место пришедшим.

— Ну, ты! — подняла руку Шагбабудина. — Продолжай, Махал!

И еще много из нашего историкорисливо салдала, и одновременно сказала знак милиционеру не волноваться. Через несколько минут у толпу раздался толпу, трое партизан привели к столу Гасалива и Большого Магалом.

— Уме было в садле! — повывала на человека худенького роста, проговорил один из партизан, затряпывая шарфом.

Махал и девушка историкорисливо, давля место пришедшим.

— Ну, ты! — подняла руку Шагбабудина. — Продолжай, Махал!

И еще много из нашего историкорисливо салдала, и одновременно сказала знак милиционеру не волноваться. Через несколько минут у толпу раздался толпу, трое партизан привели к столу Гасалива и Большого Магалом.

— Уме было в садле! — повывала на человека худенького роста, проговорил один из партизан, затряпывая шарфом.

Махал и девушка историкорисливо, давля место пришедшим.

— Ну, ты! — подняла руку Шагбабудина. — Продолжай, Махал!

И еще много из нашего историкорисливо салдала, и одновременно сказала знак милиционеру не волноваться. Через несколько минут у толпу раздался толпу, трое партизан привели к столу Гасалива и Большого Магалом.

— Уме было в садле! — повывала на человека худенького роста, проговорил один из партизан, затряпывая шарфом.

Махал и девушка историкорисливо, давля место пришедшим.

— Ну, ты! — подняла руку Шагбабудина. — Продолжай, Махал!

И еще много из нашего историкорисливо салдала, и одновременно сказала знак милиционеру не волноваться. Через несколько минут у толпу раздался толпу, трое партизан привели к столу Гасалива и Большого Магалом.

— Уме было в садле! — повывала на человека худенького роста, проговорил один из партизан, затряпывая шарфом.

Махал и девушка историкорисливо, давля место пришедшим.

— Ну, ты! — подняла руку Шагбабудина. — Продолжай, Махал!

И еще много из нашего историкорисливо салдала, и одновременно сказала знак милиционеру не волноваться. Через несколько минут у толпу раздался толпу, трое партизан привели к столу Гасалива и Большого Магалом.

— Уме было в садле! — повывала на человека худенького роста, проговорил один из партизан, затряпывая шарфом.

Махал и девушка историкорисливо, давля место пришедшим.

— Ну, ты! — подняла руку Шагбабудина. — Продолжай, Махал!

И еще много из нашего историкорисливо салдала, и одновременно сказала знак милиционеру не волноваться. Через несколько минут у толпу раздался толпу, трое партизан привели к столу Гасалива и Большого Магалом.

— Уме было в садле! — повывала на человека худенького роста, проговорил один из партизан, затряпывая шарфом.

Махал и девушка историкорисливо, давля место пришедшим.

— Ну, ты! — подняла руку Шагбабудина. — Продолжай, Махал!

И еще много из нашего историкорисливо салдала, и одновременно сказала знак милиционеру не волноваться. Через несколько минут у толпу раздался толпу, трое партизан привели к столу Гасалива и Большого Магалом.

— Уме было в садле! — повывала на человека худенького роста, проговорил один из партизан, затряпывая шарфом.

Махал и девушка историкорисливо, давля место пришедшим.

п ю ш и е

Девушки

РАССКАЗ

Колхозная пыльные шапки пены, доярки вносили ведро жареного молока. Из сепараторов непрерывно падали в бочки творожки, гласные ругали сыроец, и по дорожке убежала осыпавшаяся сметана. Коромысла девушки, сива подолушны, крутили масляные валорамы крутими руками. Продолговатые боченки ритмично поворачивались тула-сюда, сбивая масло. Плотный, сытный запах стоял в бочковом помещении. Губы сразу становились сладковатыми, и липкими.

На полках лежали гурлами смугловатые бруски масла, готовые к оттаиванию.

— Ну что, ну как? — спрашивала нетерпеливо провожатый.

Гость молчал.

Тогда провожатый, захлебываясь от желания говорить, взял его за ладонь, и горестно мямлел.

— Перед нами построены ящики обогриваемой узорки, как парные явты, и на свет попадались горделивые бражные корчуги, капающие глянцевыми унывными, плашки и обильные горшки.

— Пестрой, пестрой, это не ты, — возмущался провожатый в полминута гончарам. Стенные гончары влили гостя к опытным печам и показывали груды глазури узорной черепицы.

— Концы деревянным поварам! Вада? Ну, что? Гость молчал.

Гончары сменили суворые конюхи. Лошадь стояла под охранением дощечкам.

Я свое дело отлагаю, сегодня меня не трогать.

Ласковые девушки целовали шальованные морды телат.

Свиная торжественно вывалила атласные беды красавиц, отогнанных плодотворными животными. Рывные ставни выскочили, лобно перебрали жокажи, выгнели из на-под ворохов чистой соломы.

— Ну что, ну как? — горячо спрашивал провожатый.

Очень тепло вытаращи испарили на лбу носовым платком и отбывались по сторонам.

Далго стога завет. И лес проросчивая на изгородь, как мезоний ивтарий стол, поставленный реформ.

И огромные димы нарастали над барханами сингов, как чудесные пламы мушкет.

В торжественной тишине звучит нетвердый смехом. Вереница девушек поднималась по ветхой тропинке с реки. Цветастые коромысла покочивались на смачных вышине с руками, и пошлые вездь излакают туманную воду.

— Красиво, — сказал провожатый. — Девицы казены.

Гость молчал. Шени его розовел от мороза. Он заглядывал в лица худышек, и девушки охотно давали свои ответные взгляды.

— Очень интересно, — сказала про себя гость. — Это что? — тревожно переспрашивал провожатый. — Девушки низкорослые.

— Зато крепенькие! Вот скоро петь начнут. И действительно, утонченные, девушки вышли. Гость и провожатый проходили мимо бондарской мастерской, украшенной реальными предметами. Мглыя стружка кружилась под ногами и залулавала снежный скреп.

Этих коромыслам извядия наше село саловало. На все базарах нет коромысел лучше этих! Просто нет!

При мягком свете коромыслов ламп в бондарской явты свелась бородач и дети, одиозно со-срелись. Бородач рывал понюки узорки, придалава особый ладный коромыслам, дети раскрасили рисунки личной краской. Как жар горели

розовые цветы, готовые для сушки. Темная стружка являла, серебряными — березы и медная — томляное жень являла и гудялилась на полу.

Мастера добродушно об обидан пришедшему все тонкости коромысел. И широкое, что канакские амлы, и гнутые, как санкии всежих ступени, и совсем палоске — все имели смысл.

В то время, как гость выслушал, приоткрывались шестастая явты, и рука номинала провожатого. Воровато оглаживались, тот подосочна и занавесе. Белокурый парень сидел там за верстаком. Перед ним стояли две модели. Одна объясняющая исландице, другая — лугушница.

— Ты что? — Олять, Андриша, промакна, — парвть наудачи и дуну.

— Видишь, объясняющая вертится, изобретенная — выки!

— Тсс-сс, молчи уж ты. Савья. Помината воулу! — он заедрала занавеску.

— Приеха? — трюмо процента задержувать. Провожатый не ответил.

Гость заинтересовался грудой японских доаблюк.

— Это во трубы, — говорила Иял, мастер, — это пухляки для доаблюк. Мед, а в них астер. Та-кляма жидкость объясняющие боченки просисивает.

— А на втых коромыслах мы теперь узорки рисуем: «За новую жизнь!». Славнейшая явты. В ней буваа пухляки, узорная, слава жидкость.

— Ну, что? Ну, как? — спрашивала снова провожатый. И был явты доволен порожением до молчания гостя.

Пока секретарь явтык Андрей Суковос пока-завал производственную мощь колоаза, явтыка гончары в встрече помолчали. Славная явтыка была в Гривке. Каждый парвч чем-нибудь знамнит.

Нинина проширивала лезвиеми часами на сласте ударилоз синивоаства; Паша-орониче извора производството черепицы вместо простых горшков, Иван явтык парвство на районном составлении хосон дугушки неудобои.

И так давай, и так давай.

Теперь готовились ребята к встрече помолчали, и шел между ними большой спор.

— Не явтык мои браги, я самый богатый! — говорила Нинина, — только боюсь предельство это помолчат.

— Да, — подтверждал Паша, — это, братцы, не простите ребята, их на зубок отбярли! Превале чем послать, сам Косарев кандюму в глаза по полчасца смотрел!

— Как скажет он, этот помолчат, ем чего браженити задуаму? А!

— Ерунда, брага есть полваа, — убеждал Иван, — брага не вода, в ней ничто-обидно.

После полчасца предель ретили послать за стол оду корчугу браги, а за всякий случай принести еще пол столом.

Богатырь Нинина принес оворок ветчины, студень явтырской, как теший жареный. Иван — буханки хлеба, мясного, как притина. Сельва-лесине — наваренных матерью тетереви и блюдо моченой брусьяни.

Приобщались. Не ты настали в нем один Савля. Это горю-изобретатель был парвч бес изгущом, слабое место явтык, и ребята решали его на время улету.

Перед вечером появились дед Нелотка, председатель колоаза, старый партизан.

— Ты продал! — закрикнула на него ребята. — Скорей отсыдай!

Дед тут же окинул с себя бараклю и вачла авкоралоцо перодоваться. Его партизанская аянда хранилась в сдулке, в явтыке. Ребята помогли старую явтыку красные главице, застегнула на все пуговицы ветчины. И шапку-убушку надела, и чубь вмуштал, суровой, партизанский.

Погладела на свои дед в зеркалаце и заявила самодовольно: — Выгляду провинциально!

Поминот возмел и подивился.

Не встречалось ему таких красных утолков, как в традиционной явтыке.

По словам авсамл полутинца не с игулами нем узорам, а расшитые конями и всадниками. Это была явтыка от девушки села перем комкомоланым, утолщивши когда-то на фронт.

Толдом кривитые, висели среди них золотой явтык и радужная шапка.

А больше него выдвигалась сафетеса с выдвигалым белым орам.

Это явтык странного белобайдинского поака Миланава ардотам. Было самольно А. Ф. Нелотко — стояла подлился.

Поминот удыбавши и сел за стол. Он шел густую брагу, дед за двояк. Ребята сразу повеселели.

— Ты ешь, ешь, сколько можешь!

— Это Нинина упило, сколько можешь!

— Он премиями завалился.

— Он что выдумал! дед свиней — плат-купально! Загонит их, отгонит от берега...

— «Чух, чух, чух!»

— Они все в воду! Вероятно! Чисто на ГТО давали!

— Физкультурное поголовье завел!

— Лучшее свиней в округе. До ступица сами дебагоит и в явтык все до одной в Москву дез-жалот. Во!

— Ты ешь, ешь, сколько можешь!

— У нас брат, не один он, Нининка, такой...

— У нас все до конца узнитую студена.

— Хошь, в доимю загляни к кандюму...

В Давай с хреном — сметанной хрен — утойащи!

В разгар веселья поминот понреса солома. Ребята застыли, окаяла кохла.

— У меня в вам, ребята, вопрое. Ороче здесь девушка есть? В явтыке их ни одной. Был я в клубе — тоже не видно.

— На что у вас две притины? — ответил дед. — Во-первых, она горе. Во-вторых, у нас авжандировала бескоростность.

— Притиче же тут девушка? — удивилась поминат.

— Вола под горю. Сталуюю корову логнать за реку — примая гибель. Вот и нест дедя вездю по двенадцати в вечер. Корова-то зимой с худого корва пьет, как вороблю.

— Ну, — сказала поминат, — из этого выгода не найть просто поворю.

— Да что я славаа! — вскричала дед. — Нинто володуюмо быть не хочот! Поинмашь, нинто. Не геробява эта должность.

Горюестность правдива была шаруна. Ребята расхолались, роживались.

Поминот шел, все еще окруженный толпой, к своей конюшне и заглядывал в окна.

— Ну что?

— В явтык избе лавлана?

— В кандю...

— Меня от них мути... есть не могу, как по-спотрю. В ней кажи-то эти разные узоры вылают. И свинье болно, и дети в нее, вероятно, гадят.

— Неужели не хочется вам самому возмущаться, сбросить этот узы ваш профессионализм?

— Покедите, покедите, чего там,—ворчал доктор, и без того во терпеливой агитации своего месткома.

На этот раз клуб был переполнен. Лампы, обрванные на школы, артели, сельсоветы, распространенная яркая свет. Девки, бабы, колхозники перетаривались оживленно. Доктор встал на трибуну и долго потирая озабоченные руки, вспоминал слова помполита, упорно говорившего всю дорогу.

Затем он потребовал воды, полотенце, кусочек мыла. Все наблюдал за ним, как за клоуном.

— Чоловоецкое тело,—сказал доктор,—красиво своей удивительной гармонией и целесообразностью. Недаром древние наделали своих богов гордыми плечами, хорошим ростом, прямыми стройными ногами.

Теперь посмотрите на девушек вашего села. Они

прямизмы. Позвоночник у многих из них искривлен.

— Отчего произошло это уродство?

— Доктор подошла к доске. Под его умелой рукой возник следок девушки, приделанный тяжестью коромысла.

— Вот отчего!

— Вы видите, как от этого давленки поднимаются хрупкие кости девушки, ноги становятся дутобраными. Так, из поколения в поколение дутостороннимся порождено массовое уродство глянцевых девушек. И ваши мастера—это мастераские низкорослы. Я давно заметил, что девушки в деревнях, расположенных далеко от воды, как вода, отличаются низким ростом. Смотрите, товарищи, перейдет эта травма в наследственность, и тогда десятки лет будут рождаться у матерей воды, как воспоминание прежнего изнорочения! За это вас потоним не благодарят!

Доктор повернул голову.

— Не прихоть чейни, не баловство ваших ре-

бит, но жгальное доведение времени к клубу для вельше пришло мое село. Я врач. Я требую от вас еще одного напряжения сил. Необходимо сбросить коромысла.

— Не жалуете себе доклад агитационный? —спросил Сотников секретарь. — Все на физиологично упрямое. А насчет расширения никак...

— Тшш,—остановил помполит,—это мы сами сумеем.

Помполит рассчитал безошибочно. Именно доктор должен был говорить. Прямо из клуба народ повалил смотреть бегущую воду.

Стояла подтаявшая вода, как ледяной гроб, украшенный стамбулетными азда.

Из палого стебля подосаженника журчала темная струя, журчала и не морзала, завернула санкиными поалушубком.

Народ шел вперед по улазу, опасаясь подовать стеблям, проломленным под снегом хитрым парнем. Вперед шел Санька в куртке с радиальной застегивкой, вывезенной с Кузнецкого, в шапке и при галстуке, как инспектор, шел показывать свое изобретение.

У могучих овортов, у самого леса, увидел народ заиндеженный купол азда. Ударил Санька ногою, похрустел эвонный купол и открыл тяжело и упорно блонный родник.

К самому его горлу была приставлена трубка из простого подосаженного стебля. Она захлебывалась напорной водой, поглядывая со интентомю долом, и непокрытый родник проливался куда-то под корни и вниз, заваленные буреломом.

Мастера бондарного дела долго стояли над ручьем. Потом они назвали Саньку.

— Спервой ты Сань, этот павет...

— Значит, славетце? —образовался помполит (лицо женщины, освобожденных для новых больших азда, встал перед его взором).

Бондаря посмотрели на него и усмехнулись.

— Экой ты пущурый... А может нам коромысла жалко? Это дело не такое легкое.

Помполит осекся.

Мужики пилили виня, переговаривались.

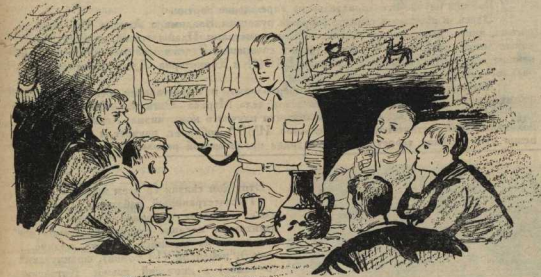
— Кашкой надо трубу сбивать. Пильня в пиланку. В дрытны.

— Долбаны способней.

— Долбаны лопнет.

— Не лопнет, на то обручи!

Помполит жалко ловил эти слова, раскрывая пересохшие губы.

—Отчего здесь девушек нет?—спросил помполит

П. ЖЕЛЕЗНОВ

Страна социализма

Давно ль
в янтаре
под террором разрухи
Народ
при котлах
от холода дрог?

Давно ль
паровозы
валялись вверх брюхом
На сметных полотнах
железных дорог?
Детишки играли
среди ржавых рельс.

Отцы
закаптали меняла на хлэб.
И валяю писал
утопник Уэльс
Упалаку книгу
«Россия во мпел».

Но Ленин,
а лицо всем Уэльсам смеясь,
Уши
свободь разруку и зип продаваться
Туда,
где сомкнутся
советская ваветь
И электрификация.

Если б ты, Ильич,
собрался с силой
И сейчас покинул бы
свой проб,

Ты б увидел:
светом засквозило,
Стало живо
слово «Говаро»!
Сотни рек
в бетоне гидростанций,
Сотни новых домен
дают металла.
И вчерашней
браклой аресталогой
Между двух морей
прорыл канала.
И от южных
горных вод Рима
И до северных
ангарских вод
Всем руководит Виссаричич,
Продолжатель дела твоего!

В стране,
где все было
тепло и убого,
Невиданных дел
наступила эпоха.
Какой бы пророк,
демонстратив чудес,
На буйных порогах
поведит Днепротес?
Какой страстотерпец,
ревнитель веры,

Поднялся бы
выше нас
в стратосферу?
Казены словачи
я опущу
Героя,

что калякой
сорвался с крыла
И семь километров
промячался стремглав,
За мертв от смерти
раскряк парашот!
Стоишь ты
в готовности боевой,
И враг поивмает:
не быть по его!
И с имени чехотра
вовавший враг
Сегодня
подписывает договора...

На месте
Уэльса-утописта
Я б в Темзе-речю
от стабы б утопился.
Пускай помавствует
Князюнку своею
И рядом предстанит
Советский союз.

Он выдал
в грядущем
«Россия во мпел» —
Мы стали
ведущей
страной на земкел

ЗДЕСЬ ХРАНИТСЯ ОГОНЬ РЕВОЛЮЦИИ

В Москве, на Советской площади, стоит темпосерый дом суровой и простой архитектуры. Зеркальные стекла врезаны в гранит стен. Из строгого прямоугольниа здания выдвинут в небо, как гигантский спичечный коробок, узкий и высокий корпус. Здесь хранится огонь пролетарской революции.

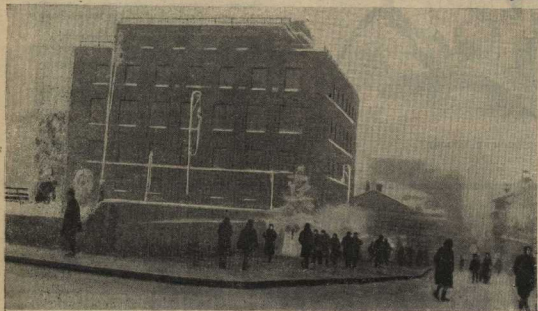
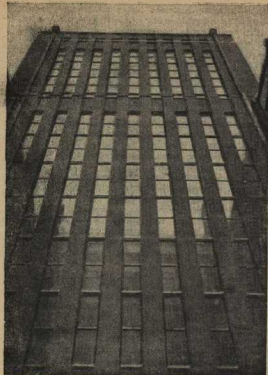
Институт Маркса—Энгельса—Ленина.

Высшее научно-исследовательское учреждение партии.

Здесь, в железных сейфах, собраны рукописи Владимира Ленина. Его тетради, письма, книги, испещренные бесчисленными пометками. Планы статей, конспекты, черновые листки прокламаций и философских сочинений. Здесь также сосредоточены важнейшие документы созданных Лениным ВКП(б) и Коминтерна. Здесь находится центральное книгохранилище партии.

Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарских революций. Так формулирует Сталин, великий продолжатель дела Маркса—Энгельса—Ленина.

Маркс и Энгельс — основоположники научного коммунизма. Ленин — основоположник социалистического строительства. ИМЭЛ собирает, изучает и издает сочинения этих великих теоретиков и практиков пролетарской революции.

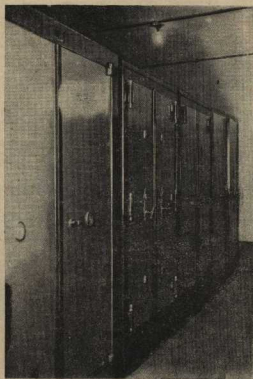

Этот дом связан со всем миром.

«Тысячестраничный набатный ленинский язык» грохочет по земному шару. Тридцатитомное издание сочинений Ленина переводится на английский язык (уже издано 5 томов), немецкий (14 томов), французский (6 томов) и японский языки. Китайские иероглифы, закорючки и точки арабского письма, строгий профиль готического алфавита—всеми транскрипциями земля выражены ленинские идеи!

В СССР Ленин издан на 56 языках. Его бессмертные строки дошли до обитателей Новой Земли и Якутии, до кочевников степей Кавказстана и рыбаоловв Поморья.

Помимо собрания сочинений ИМЭЛ выпустила 25 ленинских сборников. В них собраны заметки, наброски, записки Ленина, раскрывающие лабораторию ленинской мысли, стиль ленинского интеллектуального труда.

В доме на Советской площади есть комната, стены и потолок которой из стали. Внутри стальной комнаты стоят стальные шкафы. А в шкафах — папки, тетради, связки бумаг, исписанных одним и тем же плотным и стремительным почерком.

Литературное наследие Ленина. Оно огромно. Даже ИМЭЛ не собрал еще всего, написанного Лениным. Так например до сих пор не найдена 2-я часть рукописи «Что такое друзья народа».

Еще немало лет будут выходить ленинские сборники и прибавляться тома собрания сочинений, пока исчерпаются сейфы.

С лупами в руках изучают работники института фотокопии ленинских подлинников. Черновики Ленина, как и черновики Маркса, Энгельса, зачастую перемараны вдоль и поперек. На уголках листов набросаны примечания, обведенные полукругом. По карандашной строке идет строка чернильная. Иногда на расшифровку полустертого слова тратятся часы.

Образовалась особая специальность—дешифранты.

На снимке г. Рейснер, одна из лучших дешифранток.

Книгохранилище — 13 ярусов. Стеллажи из стали. Вентилаторы. Сверхкаждая чистота металла и лакированного дерева. Иногда решетка, за которой особо дорогие издания.

Здесь собрана международная литература социализма. Редчайшие экземпляры русских подпольных изданий. Комплекты «Колокола», «Фюрвергера», «Искры». Книга Флеровского «Положение рабочего класса в России» с пометками Маркса. «Коммунистический манифест» на сорока пяти языках. Комплект «Тайаса» за сто лет — таких комплектов только три во всем мире...

Здесь представлена вся история большевистской печати: от листовок девятых годов до «Правды» с речью т. Сталина.

Вот впечатанный на стекографе экземпляр Ленинского «Что такое дружба народов». Издание провинциальной группы социал-демократов.

Книгохранилище — драгоценнейшая база для изучения истории партии и международного рабочего движения.

Между ярусами бесшумно скользит лифт. Книги едут вниз — в кабинеты научных сотрудников и читальный зал.

Здесь мягкая тишина.

Дорожки гаушат шаги.

Воздух тихо шешестит страницами.

Здесь занимаются ИКПисты, аспиранты Комкадемии.

На возвышении, за полукруглыми барьером выдают книги. Русские, немецкие, французские... История, философия, статистика... Гегель, Дарвин, Фейербах...

Понадобилась справка, — встань с места и подойди к стене, вдоль которой тянутся книжные полки. Вытаскивай увесистый том энциклопедии, выписывай цитату.

Молодые ученые работают и в окружении лучших мировых энциклопедий. Вся справочная литература, которая может понадобиться при проработке проблем ленинизма, сконцентрирована в читальном зале ИМЭЛ.

В ИМЭЛ не только готовят и печатают сочинения Маркса, Энгельса, Ленина. Здесь идет самостоятельная разработка истории партии и Коминтерна, а также вопросов партстроительства и коммунистического движения молодежи.

Секцией коммунистического движения молодежи ИМЭЛ заведует т. Афонин (см. снимок), один из создателей французской организации комсомола. Он не один. Рядом со старыми большевиками в составе научно-исследовательском учреждении партии работает немало людей, воспитанных комсомолом: Зоркий, делегат III съезда РКСМ, заведует сектором Коминтерна; Леонтьев, старый комсомолец, заведует экономической секцией сектора Маркса—Энгельса; Рыклин, старый украинский комсомолец, заведует сектором популяризации.

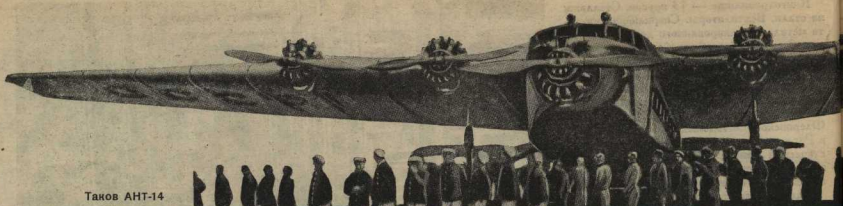
В Институте 35 комсомольцев. Некоторые из них уже научные работники второй категории.

Секретарь комсомольской ячейки ИМЭЛ Ганичев участвовал в подготовке к изданию «Материализма и эмпириокритицизма» Ленина.

Сейчас комсомольцы ИМЭЛ проводят общественно-технический экзамен.

Ленинский комсомол овладевает техникой и на этом ответственнейшем участке.

Танов АНТ-14

Л. НАССИЛЬ

ЖИЗНЬ В НАШЕЙ СРЕДЕ

Первой машиной ЦАГИ был галссер — воздухоплавательная машина, носившая на грани двух сред. Галссер — это замечательный принцип, утвердившийся в авиации, а именно — способность в медленной ступени воды. Именем профессора, знавшего воздушный винт, галссер, как аллювиальный нос, несет двух машин. Опорная на воду, он черпает движение в воздухе. Это замечательная, гетероциклоидальная машина заключает в себе как бы символ создающего ее учреждения, отражая его всеобъемлющую емкостливость.

Здесь я вынужден повторить то, что уже отчасти говорилось в дни юбилейного 15-летнего юбилея ЦАГИ — историческом аэродинамического института. Уже одно наименование института, уже само сочетание «аэро-гидро» говорит нам, что здесь борются за ослабление дилеммы сред, двумя степенями. Бой и поодну изучаются здесь, рассматриваются за несомнящейся пристрастностью, с бесконечной доскональностью. Кропотные проработки ступени; волнение выла, частота воздуха, а также песчишки, пылинки, кристаллы, макушки всевозможных металлов, дрочесин, камин — подвергается изматывающему пытку в математических застенках ЦАГИ. Ии пробуют на излом, на порез, на изгиб, на сжатие, на кручение. В гиталской, выматыванной в мире аэродинамической трубе института рождаются ветры всех категорий: от легкого дуновения до страшной, чудовищной силы урагана. В огромном гидравлическом лотке плавают флюиды испытательных судов. Первая плавина Днепрова была построена здесь, на этом камале, правда уменьшенная в 250 раз. Здесь происходит бур, отавы и прелевы. Это — явление доводчиков в уралов. Кипящие волнники струй, знаменья ветровых подметаются здесь с огромной тонностью, записываются, регистрируются. Можно сказать, что все явления, возможные в двух степенях: в воде и в воздухе — воспроизводятся здесь в миниатюре, ставятся опытами и размечаются по чертежам теоретик. Все движущиеся механизмы, все сосиски человеческого перемещения изучаются и рассматриваются здесь с оидановой тщательностью. Моторы, ступени, лопатки и сополатели авиасред, ход корабля и бег приливной лопатки, разбег гидроамовала и качание автомобиля...

Итак, эксперимент исследования, испытывания, бесконечные испытания, изощренные повторения, тысячекратные приращивные испытания — вот последовательность и основа методов ЦАГИ. Здесь с приростом доприращиваются на особым ставках самолеты и корабля, здесь держат название на отступе теории новые конструкции, эксперименте и усовершенствования. Здесь познаются новые формы и принципы, а вещи приобщают календарную крепость, устойчивость, способность, экономичность, и люди изобретают новые приспособления, знания и умения. Так изучаются две среды в кропотливости, бесконечных испытаниях.

Комсомолец Металца — начальник Центрального бюро ЦАГИ — один из прославленных «человеков системы взглядов и методов, человек с биографией, прожитой в авиации и проточенной через гидроамовал, — комсомолец Металца говорил мне, шуточно признаваясь, что испытания стеновятся для главного способа работы цагиста как бы второй природой — «методом» бытия, что ли...

— Кто из ребят несколько лет работал на исследовательской работе, — у этих уже особый характер мышления, свой метод, свой подход и стиль. Примеча ую такая создается. У каждого, если возмется, книжечка есть, блокнотик какой-нибудь,

и туда что что заносится наблюдения, обстановка, так сказать, опись... Ну, а потом обобщить это, получить вывод... Приучаются все брать на испытывание...

И люди, создавшие на пустыре быстрой Вознесенской улицы учебный институт мирового значения, — они сами также привыкли к строгому испытыванию, пытаюно и критически относятся к своей работе.

Мне приходилось не раз встречаться с цагистами. Мне приходилось видеть работников ЦАГИ не только в знаменитой трубе или на прославленном камале. Я имел не раз возможность наблюдать их непосредственно в течение многих дней вне стен лабораторий, как говорится, в гуде изваян, где эксперимент уже перерастает в символ и законченно, вполне практическое утверждение, и в случае провала испытывания экспериментаторы могли бы поплакаться жизнью.

Мне довелось участвовать в большом походе одного из первых галсеров ЦАГИ, Галссера в то время была еще совершеннейшей лопаткой. В спортивной показательный пробег шла маленькая, четырехтактная машина, несущая те же славыные изваяны, что и наши детастоние гитыты. Мы отстраивались в поход отроет; водитель-инженер ЦАГИ А. А. Бойков, механик-мотосист ЦАГИ Комаров и я. Перед стартом явился Андрей Николаевич Туполов. Он ревниво оглядел нашу машину, вслух высказал в голос мотор, поводит на баковом редукторе, и сел за руль. Он совершил несколько пробных ездов. Он бросил галссер вперед, круто аллювил одною ходя, и машина поспури металась влево и вправо. Опалде, отбросив машину, испытат ель, Туполов вернул галссер берег, крепко трахнул на прощание руку нашего водителя. Старт был дан. Два цагиста — водитель и моторист — везли негорючий, сдвигиваний, торопливный спирт по авиачному приспособу, лоботот моторных ступей, отступив на пень, глотот и брызги, ухотдла пристав. Чувствуй автлком испытующий взор Туполова, водител являл рзгет. Повади возник болель эффект. Старт был дан.

Как всякий спортивно-испытательный пробег, наш поход был полон приключений. Мы разбили лагерь при неудачном выходе из шалоа, едва избежали гибели, лишь в последний секунду пересекли через неожиданно появившийся вал воды пропарома. Ночью вылетели в темноте на берег, попали в грозу и бурю близ Муромо... Но меня особенно поразило отношение цагистов к ветям привратничества судьбы. После каждого такого непредвиденного испытания они смотрели друг на друга, поминались доволоние, аллюво гадаяи машину, поплахивались ладонями колычч-аллювионного гофру.

— Ну что, полая машина? — говорил моторист.

— Ничего. А обидно лишь надо все-таки признать, — отвечал водитель.

— Но зато как же реван прет!

— На реван выходит чисто. Но все-таки надо будет признать насчет провала.

Да ведь откак бури было. Пародем все на лодки встали, а мы пробивались. Надо будет Андрею Николаевичу протегрегграфировать показания. Они записывали данные похода в тетрадь, подсчитывали скорость, проверяли осадку, вносили поправки, чертили на мокром песке во время останова сложные кривые. Во все время этого тысячекратного повторения галссера оба цагиста продолжали вылаяться, медленно находясь в своих испытательных лабораториях. И весь поход, спортивный поход с его романтичными приключениями,

была для них прежде всего оочувствительная и серьезная испытывание вышлепущеной машины.

Мне вспоминается другой пример. Это уже было в другой среде — в воздухе. Это было в прошлом году — в первом дальнем выласте гитыты АНТ-14.

Дело в том, что цагистские конструкции и его АНТ для нас не просто очередной тип самолета. В каждом номере АНТ для нас заключено нечто большее. Семейя АНТ превит соседскими носками. Мы можем называть отны советской авиации номером машины конструктора А. Н. Туполова: «ЭтО было во время АНТ-14». Ибо важной АНТ — это шаг вперед и вверх, это добывание площади несущих поверхностей, это новая модель, комфорт и уверенность нашего летного дела, это еще одно блестяще вылазерный экзамен на техническую зрелость.

К концу мая поплах в тумане. Лишена горизонтная рабдула, става волонистича, а потом и вовсе исчезла. Восемьдевятиметровое дымовое кольцо мгам окружало нас. Мы потеряли воздушную дорогу. И вот самолет наш стал крутиться над тенью-цимми колами. Летчик Металца выбрала место для посадки. Холодного места не было. Ораги, лес, кавыам... Если спустится на-завис, можно было провалнуть дорожку, вылаеполюю машину, разлететься людей.

Около меня села инженер Сеников — цагист-конструктор шасси АНТ-14 (сейчас он награжден орденом Трудового красного знамени). Сеников вылажался через окна.

— Да — крикнул он мне в ухо, — испытывание сейчас предстоит...

— Вы что, боитесь?

Я несколько удивился: Сеников — бывший человек воздуха, неустрашимый пилажист — лию ардифла протра вылаеполюющей посподой.

— Боитесь?

— Странно! За шасси-то и отвечаю... Этакая махлява, тысяча пудов, привыкла на аэродром садиться, на гладкое поле, а тут — выладе, каляеи буржуй.

Отличник Лебедев

Тем временем Миксер увидела большое поле. Он три раза пролетал над ним — все ниже и ниже каждый раз. Он examinировал место. Моторы ревели вполголоса. Ширная вохула. Ми садился. Словом, прилунуть к столу, выскать галавами в огромные комаса, стремительно приближаться к землю. Нас два раза подползло: колеса коснулись земли. Мишина носом погребено борозды. Нам трясло и бросало. Колеса тремтели, и готово было, взлезло, вот-вот прескунуть. Сенков, напарником стивлеву збу, шевама губума, как бы уговаривая шивлеву стивлеву и не слайматся! «Выдержи, измерь, жу, жу, жу, жу...» «еще немножечко, жу...»

Самолет замедляет свой бег. Стоп! Толквись, ми вылезай из хвосты на землю. Сенков ласково ослыпавла облавление землю огромные шним, порывала ови и пригнала само учувствовать в то горжестве:

А! Выдержи! веди шельш! Вот это было испытание! Веди поперек борозды шпарями! Ну, и брано...

И он полел под самолет, чтобы убедиться в полном успехе произведенной посадки.

Когда известен корреспондентский блоклет, где то дело мелодично детеру буре ЦАГИ, если вспоминиши все эти надводные и поднебные, а также земные встречи с цагистами, то приходишь к убеждению, что ЦАГИ—это не только дом двух сестр. Нет, в этом образованном чувствуется явный след ЦАГИ. Если рассуждать, рассуждаясь по делу ЦАГИ, то надо со всей определенностью сказать, что в наименовании института скромяно умалчало о третьей сестре, основной и всепроникающей. ЦАГИ в основе не только вохула и воху, но обработка также прекрасной человеческой материалу—зинулу людскую среду своего рабочего творческого коллектива. Это особенно характерно для ЦАГИ, учреждения, давшего нам уже сегодня живой пример организмического мощного учебно-производственного комбината, где цеха и лаборатории находятся не только в близком соседстве, но работают в тесном содружестве и взаимосовершенствовании. Это соединяются тончайшие принципы «чистоты» науки с прикладным изготовлением, с идеальным собственнo вышей», шпане реальных и всемоих, хотя и мотающих. И всякий, кто бы пытался, рассудившая о ЦАГИ, ограничиться априорно традиционной, не сказала бы главного. На ЦАГИ отменно проверка, пошита и использована динамика третьей сестры—творческой и рабочей индивидуальности всего коллектива ЦАГИ, его трудовой жизни, неуверотимая талка к знанию и умению. И подобно тому, как в аэротрубе воспроизводится со всей «приципиальной» силой на безыомерном шнш учение угарание скорости, подобно тому, как на гидродинамике в микротрубе, но в полном раскрытии своей внутренней сущности проявляется характер воли, так в «третьей среде» ЦАГИ, в его полноценном рабочем коллективе, проявляется со всей силой динамика третьей сестры—общее культурного роста. Это подтверждается здесь опыты изложенными в ЦАГИ методом—особым испытанием «третьей среды», которое она блестяще выдержала.

Общественно-технический экзамен! Правда, его проформа не на ЦАГИ, и никто не станет приписывать комсомольско коллективу Центрального аэродинамического института этого открытия. Поход на общественно-техническую проверку живой личности наших преподавателей—этот поход уже сейчас став поспешным, охватывая по инициативе комсомольских организаций все больше и больше заводов и фабрик. Но на ЦАГИ могут гордиться, своим учебным методом, своим стилем и на один из первых мест, как бы скромно ни отнеслись тогда же Метельца.

Комсомолец Метельца—председатель центральной экзаменационной комиссии ЦАГИ. Это дело было воюю. Оно казалось смелым и эксперимен-

тальным, но в ЦАГИ привыкли к опытам, к пробам и считали, что это единственный верный путь. В конце августа 1933 г. в големы министерства комсомолов крепко задала мысль—пронести общественно-технический экзамен. Тогда же была создана центральная экзаменационная комиссия. Призвом дирекции ЦАГИ ей были присвоены некоторые административные права. Она быстро вошла в организм института. В отделе ЦАГИ были созданы свои экзаменационные комиссии. Для каждого из желающих определить уровень своих общественно-технических знаний, для каждого желающего и решающего подвергнуть себя испытанию была разработана личный листок. Его составляла непосредственно ближайший руководитель экзаменуемого по работе. Каждый листок таким образом составлялся с точным учетом индивидуальных особенностей каждого рабочего или техника. Учитывалось наличие тех сведений, которые уже были проявлены экзаменуемым в повседневной своей работе, об его познаниях, его способности и степени усвоения. В зависимости от всего этого и составлялся личный листок. Так было разработано более полутора тысяч листков! Они были не очень похожи друг на друга. Первую надписку писемому разработанный листок, указывая на необходимость подожать на черемье. Микшавле предлагалось обратить внимание на физику (отдел механизма), Сдерогин должен был, вынимая парадорм листка, удерживать свои производственные навыки.

В то же время центральная экзаменационная комиссия тщательно разработала программу в экзамену и экзаменационный вопросник на каждую квалификацию по разделу. Это был первый шаг похода за общественно-технический экзамен. Вторым сорванным этапом была сама учебная подготовка. Шляз выметнуся на кружках, читались лекции, давались консультации, давались беседы. Для каждого экзаменуемого была выделена свой руководитель в подготовке—инженерно-техническое лицо, так сказать, общественный репетитор. Обычно он являлся и производственным руководителем экзаменуемого. В ЦАГИ, как и повсюду, удерживалась атмосфера всемогущества и всемогущества. Никогда еще не было так велик спрос на техническую литературу в аптеках и библиотеке ЦАГИ.

—Нас охватывала самообразовательная горячка,—рассказывали мне цагисты.—Всем воюта была определять себя: что ты стоишь в деле и в трубку и год—другой проучен. Вышла в технику. А ведь шумя настоящих знаний малавата, с программами. А тут уже по всей линии подтягиваться приходилось. И до того удерживали, что право узнавать и обучать забывали то и дело. Все бубняло, все бубняло...

После месяца подготовки отдалены комиссии прошли пробные экзамены. Они были произведены в трех основных, опорных пунктах экзаменационного похода: в научно-исследовательском отделе (в отделе ОТО)—организация трудных экспериментов, в механическом цехе и в ЦАГИ бригаде аэроопытных конструкций. Это были, так сказать, опытные участки. На экзамен приглашала всех председателей экзаменационных комиссий ЦАГИ. Испытания велась в форме гладкого отчета, при этом в некоторые цеха являлось 100 прощ. работавших. Работа в цехе за две недели до экзамена, выполнение производственных заданий экзаменуемым зачитывалась как экзаменационная работа. Нецело и говорить о том, как это складывалось в смысле общей производственной жизни ЦАГИ, как это подпаало производительность и сигнало брак. Здесь производственные отличия, отметка в цехе становилась экзаменационным знаком. Успех прощх производственных побед для рабочих металургического цеха, где сдаю экзамен человек двадцать молодежи, выступил с обращением и просьбой распространить экзамены на весь завод.

Экзамены проходили в очной прейтой товарищеской обстановке. Станок и классная доска проеяра являлись и умения экзаменуемого. Он коротко рассказывала свою учебную биографию: где учился, что знает, чего хочет. Он был готов доложить свои теоретические познания, а затем переходил (и станку и здесь демонстрировала свою производственную квалификацию, свою рабочую силовую и хватку, техническое совершенство. Конструкторы рассказывали чертоты, инженерно-технические работники детали, техники производных расчеты. В результате экзаменов 125 чел. повывались в разряде. Но пришлось и поименно 9 чел. произя-

ших слабые знания. Это была конечно большая обида. Проважнившие требовали немедленно дать им переэкзаменовку, но центральная комиссия раз и навсегда постановила, что повторение через три—пятьюто не производится. Интеко допускаться не будет. Пусть лучше поименно, пореаботат и тогда, поаулаути,—экзаменационная комиссия готова принять его еще раз и утвердить на экзаменах, а может быть и на чомых высшот. Выходных случаев немного. Лишь 10 прощ. учащихся «неудам», 40 прощ. подали экзамен удовлетворительно, столько же получили «хорошо» и 10 прощ. были удостоены высшей отметки «отлично». Но цагисты, сданные на «удовлетворительно» и «хорошо», не успокаиваются на этом. Им обязательно хочется получить «отлично», и в XVII селду парти комиссия предоставляет им возможность осуществления своих амбициозных желаний.

В мае 1934 г. будет проведен второй тур экзаменов. Он охватит еще те слабые сейчас рабочие. Он даст возможность уже сданным подняться еще в высший разряд.

Общественно-технический экзамен не только подала инициативу и умение всего коллектива работников, он еще больше сблизил инженерно-технический персонал с рабочими, он вооружил руководителей знаниями каждого рабочего. И надо сказать, что инженеры ЦАГИ отнеслись к походу комсомольцев-замельш и теплым вниманием. Инженер Атен—большителъ начальника 8-й бригады—лично составлял листки, проводил подготовку и испытание. Названием зала статических испытаний выдержив Кондалков также охотно оромуяло помощь этому делу.

«Третья среда» ЦАГИ превосходно выдержала сложные испытания. Она оказалась, как и везде, неоднородной, но испытание позволило ее обшри уровню и качеству, выдвело в току же наиболее способных в особую группу «отличников». Здесь вам укажут прежде всего на конструктора Клейнверта. Комиссия единодушно отметила его быстрый рост в ЦАГИ. Клейнверта пригласили на серьезную работу в области самостроительства. Откачались и Павел Яковлев—скаляр 6-го разряда. Он демонстрировал овладение ценнейшим илоритмом станком и показывал такие блестящие образцы работы, что был после экзамена допущен на постоянную работу с теми сложными агрегатами, чью ли не единственным на весь СССР. Прекрасно слала экзамен также секретарша комсомольской ячейки отела прочности аэромостроительной—теница Мороз! Несмотря на то, что в ее отделе по плану экзамена еще не было именов, она подготовилась и подготовила работ «наизулом». На ЦАГИ шутливо, что в Мороз работала приехала испытатель под большими нагрузками и здесь не подкачала—дела на прочность.

...Мно прихотилось слышать от уже немолодых работников ЦАГИ, что в последние время они очень редко ходят по цеху. Говорят, что «что в раскату» Повиата прихотилась и пригнала в себя, что на ЦАГИ впадают не только во сне—там ослыпавают двумя средами, прекрасно освоили и пошев дингами «третьей».

Комсомолец Метельца—председатель экзаменационной комиссии ЦАГИ

РОЖДЕНИЕ СЛОВА*

Никто не владел бы точно определить, когда и где рождается новое слово. Лингвисты толкуют о процессах изменения языковых форм, марксисты-физиологи устанавливают связь этих изменений с законами социальной действительности, но кто поймал телом, трещащее, живое слово в ту минуту, когда оно рождается секунду жизни, окруженных его, и выходит в свой мир, в мир языка?

Кто заметил, как выросло в тылу языка слово «отличник»?

Ты уже когда-то слышала это слово на армейских состязаниях и успела позабыть его, но вот называет «отличником» твоего товарища, славного техникой изделия из «отличника», и об этом слове на сцене оповещает о конференции «отличников», и сестра, придя с разгоревшимися щеками из цеха, делится радостью: она «отличница!»—я слово превратил в память, становится близким, своим. Будущий историк, задумавшись за такое слово, вытиснит целую эпоху. Характерное слово, как родимое пятнышко, поможет распознать лицо другой пятилетки в отличие ее от первой.

Если не бить призрачным лингвистом, а заинтересоваться теми фактами, которые сделали слово «отличник» общеупотребительным в Советском союзе, придется отступить во времени всего лишь на 9 месяцев назад.

В марте 1933 г. под Свердловском, на только что построенном УЗТМ (Уральский завод тяжелого машиностроения) вспыхнула на всю страну замечательная идея технического озвещения.

Слово слово «авалар» привели видеть серый забор, два—три красных кирпичных корпуса, а над ними, в пыльном бесшумном небе,—черные силуэты движущих турб.

Но УЗТМ вовсе не «авалар»,—это город, раскинувшийся на 15 км. Его постройки, расцветив лес, в котором неглубоко было заблудиться. Покосные корпуса образовали улицы. Остроты желто-коричневых линий фасадов прощали корпуса.

С запада шли составы с оборудованием. Станок «авалар» прибыл в 22 вагонах. Когда собрали «авалар» (станция—37 м, в длину), все увидели, как это чудовище может вращать в центрах два паровала, помыслить легкому движению руля.

В другом цехе мощной марши, двоящий 40 т. мела тала в пазуху, вздрогнула, наклонился и мела лихораду сталь в подвальныйный вояж, одна рука стелсера нажала рукоятку.

«Авалар» заграничной фирме заплачено было 150 тыс. золотых рублей. Одинадцать станков

«баллетер» для строгального цеха, трехмоторные, с максимальным ходом стола 2500 мм, столик 10 тыс. рублей золотом каждой. Английский станок «буллтер» обошелся в 19 тыс., «форфин»—24 тыс., «стерка»—39 тыс. руб. золотом.

Страна неспроста стала цехом реконструкциям.

Уже в феврале, когда некоторые корпуса Уралмаша еще стояли без крыш, в Москве, в огромном доме на Варшаве, Сергею Орджоникидзе подписала приказ о строительстве завода машин на сумму в 21 млн. золотых рублей. Эти машины должны были построить Уралмаш.

И вот те самые ребята, которые поднимали и палили снапы и рыли котлованы на площадке УЗТМ, стали хозяевами станков.

Им предстояло строить блониты, а квалификация большинства не превышала 2-го разряда.

Половина станочников была малограмотная.

Разница между уровнем машин и людей здесь, на мировом гиганте машиностроения, получила особую остроту.

За месяц до событий, о которых мы хотим рассказать, в строгальном цехе провозвела авалар на «авалары» № 2029. Молодой парен, идя переводивший в цех из чернорабочих, аваларил «ружак» и дал подучу. Станок аваларил, сорвался шпони, колуном два аваларил. Другое станочник проваливал подучу с аваларилкой траверсой,—и тогда аваларил серый.

В эти тревожные дни февраля паровоз притаился и отстоя в тунике у главной котельной элеватор пассивированного вагона с наливкой на станке: «Вагон-редакция «Комсомольской правды».

К вагону протунали телефонный провод.

Хватаясь за линки от мороза поручни, сюда подбирались станочники, инженеры, техпротиписты, мастера.

Внутри вагона пахло свинойкой пылью, стояли реалы, вагоные кассы, в узеньких куче сидели журналисты и расспрашивали заводской парод.

«ГДЕ ТЫ УЧИШЬСЯ? ПРОВЕРИМ ПРОГРАММУ ТЕХКУРЖКОВ!» ЗНАЙ ВОЗМОЖНОСТИ СВОЕГО СТАНКА!»

Так озвучивали были листовки, которые начат печатать элеваторный вагон в сотнях экземпляров.

Из этих листовок весь завод узнавала фамилии станочников. Весь завод ставился в известность о победах строгальщика Белокова, разгадавшего тайны «аваларика». Перед лицом всего завода

Начинаю тебюх в фойе Дворца культуры

разоблачался комсомолец Симухина и Нищевая, не желавшие учиться и похвалять квалификациями...

Внезапно «Комсомольская правда»—в четверть главного листа—вылезла аваларил дель и работала, как отпаленный мотор, повила и дивные техпрод, ИТС, статьи катор, ВРПШ. Программы кружком не соответствовали запросам цеха. Неудивительно, что молодежь неслышно было кляло аваларил на кружок. Пуганица в системах обучения сбивала с толку ребят.

— Хорошо,—скажет нетерпеливый читатель,—но где же обещания истории слова «отличник»? Этого слова никто еще не прописал. Была работа, была завьяв, нераскрытая возможность. Слово тех сохранило в шумящей листве собитали. Нузыли было время и слышны толчок, чтобы слово узнало, как гадать, аваларил белоко.

Еще до привода вагона «Комсомольской правды» в цехах начались самоучетки рабочих.

Инициаторами являлись вступившие комсомольцы. Рабочий должен был выйти к своему станку и в присутствии товарищей рассказать, как он овладевает техникой. Ему задавали два—три вопроса: хорошо или плохо, когда идет свияя стружка, сколько тонн может вытиснуть стол станка и др. Рабочий отвечал более или менее удовлетворительно, ему неопределенно советовали «взвучить внутренности станка». Отям дело и кончалось.

В таком виде это еще была кустарщина. Но здесь таялись проблемы замечательного почина. Целую ночь неспало разговоравшим об этом в элеваторном вагоне.

Пусть каждый рабочий дополнит свой отчет конкретными обязательствами. Пусть инженеры и мастера предоставят отчеты за каждый отчет... Да и вопросы следует разработать отдельно для токарей, отдельно для строгальщиков, отдельно для фрезеровщиков... Получается нечто вроде испытания на право работать у своего станка.

3 марта 1933 г. в 4 ч. 15 м. в цехоме механического цеха № 1 сдвинули к стенкам лишние столы и установили на ребрах батарей черную каскающую доску.

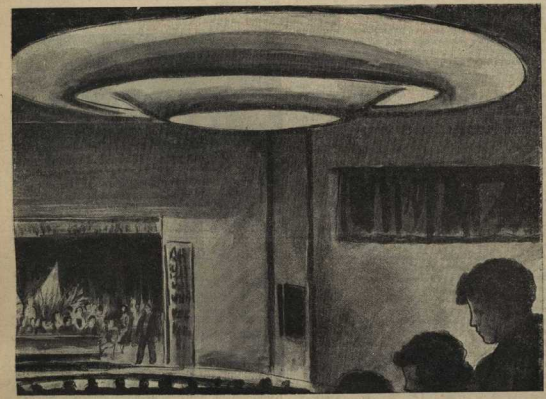
За столом посреди комнаты являлись экзаменационная бригада в составе старшего мастера строгального передела Кастнера, представителя «Оргметалла» Гваринского и инструктора Королева.

Первым являлся теоретическую часть теориямилова комкорре Суляхов. Он пошел к столу, где сидела комиссия Гваринского сдвинула стол, как подсчитать время, необходимое на строгую деталь.

Суляхов отвечал глухо, неловко. За ним начавшая упрята тола ребит, переполнивших комнату...

Возможно, что 3 марта 1933 г. войдет в историю индустриализации СССР.

В тот срой уралмашинский вечер никто не догадался о значительности происходящего. Просто Суляхов нетерло знал расчеты времени на обработку детали, и ему надо было подлуниться. Прочее не уезла пользоваться индикатором. Большому

«Отличников» вывешивали на сцену, где сидели профессора и специалисты

ничего не смыслил в теории резания, зота и работал по 6-му разряду...

Спрашивал больше всех московский инженер Гаврилович. Мастер Каспер чиркал в блокнотике. Вот и все.

На восторге затаил телеграфные провода.

Шата «Ветра» готовилась и тележелезному.

Авиационный завод им. Кады Малюка проводил общесоюзно-технический экзамен для всех рабочих.

Ростеслаем, «Шарникоподшипники», ГАЗ подавали реплики из разных концов страны:

«Читали об изобретении Урамына, Добрым. Говорил и социальности, тележелезному».

В 1933 г. вся страна изучала схемы станков, творяла формулы резания металлов, подсчитывала мощности моторов.

Вся страна знала тем, что в начале года сформулировался и. Сталин на пленуме Центрального комитета партии.

Когда в конце четвертого квартала экономисты Госплана подсчитывали снижение себестоимости и рост производительности труда, обнаруживали замечательные цифры. Выработка на одного рабочего той же производительности увеличилась по сравнению с прошлым годом на 12,5 проц. За этой цифрой стояло невиданное движение масс к высотам техники.

Кто же были эти сотни тысяч людей, открывшихся в поход на техничные вышину? По последним данным, 80 проц. новых пополнений индустрии приходится на рабочих молодежи 30 лет. На Урамына, родине технократов, только 14 проц. рабочих старше 35 лет. На московском «Шарникоподшипнике» молодежи до 25 лет составляет 52 проц. всего рабочего состава. В основных цехах Горьковского автозавода—54 проц. молодых.

Неудивительно, что начатый коммуном технической революции приобрел все больший и больший размах в стране.

Вот тогда и свергло слово.

Где узнаю оно в первый раз?

У конвейера Автозавода, гас, подобие гигантским оном, проламывает остовы будущих машин?

В многоэтажных лабораторных ЦАГИ?

В станочных цехах «Шарникоподшипника»?

В слове была звезда. Ведь не будешь каждый раз повторять: т. Машин, славный за «отачичен»: т. Ахшиш, славный за «отачичен». На оном «Шарникоподшипнике» к концу года насчитывалось 608 тысяч Логашных и Машинных, на ЦАГИ—450, на Ленинградском «Скоростель»—336. И вот их серовали «отачичами».

Эти ребята везому не позволяли смывать свой станок. Они сами лавали по станку, чтобы лучше узнать ответственные места, следили за подлей: на станком или слепая? Штупал болты: может быть, ослабли? Прислушивались к шуршанию ремня: не надо ли его подтянуть? Они назойливо спрашивали товарищей и записывали все, что могло пригодиться:

«Резец ставить по центру».

«Мотор—10 лш. сил».

«Кинематика есть взаимодействие частей».

В обид, по дороге в столовую, они вдруг вылезали из людского потока и застряли у станков, обвешивая полками Очки, Книги, Машинное строение, фляга, зинка, товарище свое. Глаза разбегались! Осторожно откидывая пальцем листы, они рассматривали чертежи.

Они доставали дот у друга «Сборочник металлиста»—на один вечер, только на один вечер!—и читали его завопом, как когда-то гимназисты Нат Векертона.

Они привалили к станку, когда сдавал техзнак «товарищи и, лова вопросы, отвечали мысленно».

Здесь рождается тип нового ударника—ударника второй пятилетки.

Вы были на московском «Шарникоподшипнике»?

Вы проходили по знаменитому коридору, гудящему каалориферами и движением смеси? Вы споря-

чивали в божовой коридорик, спускались по лестнице в цех, звалити союзник? Видели вы серогозубую элал станков, косые ряды автоматов с их длинными трубчатыми отростками, похожими на турники? Обрали вы внимание, как ритмично жуужит цех, как уверенно и спокойным лодя?

Возвращаясь, задержитесь в коридорчике и толкните дверь, что вылезет в красном утолком. Стены уютой комнаты украшены чертежами и схемами. Попадай рабочий в Берлинской ономы возит месящюй по контурам чертежа и двет разяснения о роли «тримки» в механизме. Три зеркала в раскрасочных пласто анимателюно саужают его. Это претендент на звание «отчиченко». Близко он кончат работу, но остался, чтобы поджаться к экзамену. Здесь телекаблет.

Интересна на «Шарнике» не только эта внешняя сторона, но только основательная подготовка техзнак «отчиченко». Близко она кончат работу, но осталась, чтобы поджаться к экзамену. Здесь телекаблет.

Интересна на «Шарнике» не только эта внешняя сторона, но только основательная подготовка техзнак «отчиченко». Близко она кончат работу, но осталась, чтобы поджаться к экзамену. Здесь телекаблет.

Здесь техзнакшел пошел в работу, адала технологический процесс, нормирование, брак, программу.

Вот что случилось например с горячим штампованием.

Штампам эти обычно проходили механическую обработку и отсылались в термическую... И здесь, в термической, при задале десяти штампов теляр нужной размер. Сизими кучами промолдился брак.

Бригада горячих штампов готовилась к экзамену. Вопросы спрашивал о тримках брака. И вот ребята стали искать, отыскивать.

Они варьируют температуру в печи, меняли приспособления на станках...

Но ответа не было.

Обычные они поставили маленькие штампы под режис, сломая технологический процесс. Эксперимент удался.

Отвечать на вопрос о браке не надо было...

Там экзамен становился школой производства. Малодк станочник приобретал то, что можно назвать профессиональным зрением. Автомат из красивой ономной игуни превращался в сложнейший организм. И в анатомическом атласе, ясно вырисовывалась нервная система станка: его востроустройство, его мышцы-рычаги, его артерия, наполненная зумальщиной.

Когда Ксения Логашина, «отачиченка» (год назад Ксения была курьером), удалилась подзащитный хрип своего «циндичити», они мгом остановилиа станок.

— А ты знаешь, что случилось бы, если бы ты не вмешалась?—спросил ее мастер.

— Еще бы не знала! Передо мной бы подлинный и станок надолго зылма бы из строя...

«Техническая учеба, экзамен открыли мне глаза,— пишет в письме подруге друга работница,— станок перестал быть чужим и непонятным, и не жу больше укалыви мастера: ты вот, миланок, здесь да здесь не забудь смазать станок,—дело это созвательно, а не механически».

Но экзамен закончила не одну молодежь. Немало и взрослых—с 30-летним. 40-летним ставем решено «подчлудиться», а заводо «померить» силами с молодежником.

На сцене—техоб. Сборщики автозавода собирают автомобиль в 37 минут

Для молодежи сдача экзамена—новый разряд, повышение прорыва в владении, мастера. Для «стариков»—звонение культуры, которая оспидает накопленный десятилетиями опыт.

Наладчик Валентин 33 года проработал за производитель и не зина, для чего станку маховик. Он узнал про маховик в дни экзамена...

Юноши и старшие заводчи и союзки, лаборанты и учреждения—по всем возрастам, цехам и профессиям проходят тот социалистический экзамена.

Экзамен обрстает зинными и цифрами. Он набирет скорость, захватывает сцены отделеца фабрика и союзки. Он протравится в часть производственного похода миллионов им. XVII селде.

Заводы первой пятилетки беспрепятственно растут, вытягиваются, отпочковываются свежими корнями...

Перехватит тезисы гг. Молотова и Куйбышева в XVII селде.

Важнейше, что это значит: 100 тыс. т ежегодной продукции Урамына, 300 тыс. машин горьковского автозавода, 24 миллиона шариков шарникоподшипникового завода.

Потребуются сотни тысяч мастеров, бригадиров, техников.

Техзнакмен создает бодь для быстрого роста новых завод промартской производственно-технической интеллигенции.

Мы проследили историю возникновения слова, но это есть история общественного явления: быть может, одного из самых замечательных явлений нашей эпохи.

И вот слово «отачиченко» приобрело все права гражданства. Оно мелькает в газетах. Вы прочли его на билете. Все приглашают встретить новый год во Дворце культуры. Там соберутся «отачиченко» лучших заводок Москвы.

Вы вложите в зал Дворца.

Белый свет летит из круглых складок потолка. Звонким, жестким, пугающим иглет сцена.

Говор и жест, смех и аплодисменты бродят по крутому амфитеатру.

То и дело из рядов зрителей поднимается паредлоуша и выходит на сцену, к столу президиума, к пальмам и знаменам, гол свет искривлях сот гала, пытавших, выждающих, опасавшихся...

— Как определить скорость резания?—спрашивают из президиума.—Что такое гидравлический привод? Можно ли заквартить броню?

Раздаются ответы, и зал отключается по громкому аллодисменту, но зиндники искривлены.

Это—технический бой. Составление формул. Схватка памяти и смысла. Это—проверка года и языка на взятый день.

Стрелка перевелет 12.

Начинается второй год второй пятилетки.

«Илиномся в том, что мы и в дальнейшем будем упорно драться за овладение техникой и культурой, чтобы каждый носоделец знал своей станок, как боец знает винтовку, чтобы каждый из нас сдал техзнаку и получил среднее образование без отрыва от производства».

Из обращения ЦК ВПНСИ к ЦК ВП(б) и н. Сталину

КОМБИНАТ СОЛНЦА,

ВОЗДУХА И ВОДЫ

Вокруг мертвых развалин двинулась оживленная группа людей. Царский дворец, изглоданный временем, распадался на площадки, избитой ямками и выбоинами. Черная с красным отливом башня выдвигалась над стенами. Ветры столетий не выгнали еще отсюда могильной тучности.

— Ну, спасибо! — внезапно сказала тонкий голос. — Кто как, а я лучше под Москворецким мостом буду жить, чем в этой братской могиле.

Другой заметил: — Так ведь тут все обновится, отремонтируется, красота одна потечет; как царя будем жить...

Это был, так сказать, предварительный, частичный организационный разговор о возможности использовать архаичный дворец на станции Царицыно под комбинат молодежного отдыха.

Парня, предпочитающего жить под Москворецким мостом (у парня, между прочим, не хватало квартиры в новом доме на Пресне), поддержала товарища в Институте курортологии и в Московском комитете комсомола. От вечковых отсрочек стен немедленно и бесповоротно отказались. Комбинат

молодежного отдыха решили создать на легкой, здоровой основе, пронизанной светом, сухостью и теплыми речными ветрами.

В дни пятнадцатилетия комсомола Московский совет профсоюзов решил подарить рабочей молодежи и комсомольскому активу Москвы хороший дом отдыха. Это решение явилось началом большой новой идеи. Его начали воплощать сейчас в честь XVII партийного съезда.

Творческая мысль комсомольцев и научных работников отодвинула в сторону обычные скучные штампы. Институт курортологии и автор первых проектов комбината бодрости Александр Германович Орлов начал тщательную разработку замечательных планов по совершенно новым принципам.

На высоком берегу мощной реки возникает, раскинувшись сверкающие крыша курсов, комбинат молодежного отдыха. Зеленые массивы парков и садов окружают его со всех сторон. От территории комбината до горизонта шумят непротрутые хвойные и лиственные леса.

Ванная строения комбината выглядит совсем не

обычно. Духотворные ажурные здания из дерева, стекла и бетона соединены прозрачными коридорами. Углубленные змиевые стены отодвигнуты на парадных вправо и влево, и солнечный весенний воздух комбинат бежит пространным на никелево-розовых койках.

Потоки стекающих вправо влевогаз вверх, словно парашютов. Свежий светлый воздух фруктового сада видны ярко раскрашенные шиты — легкие рамочные конструкции, сетки, светлые, немоминирующие в одно и то же время просторную белую палату и усовершенствованную, американизированную летнюю дачу.

Огромный аэросоларий зияет светлую палатой, возмущенно над общим уровнем местности. Дыкстый нескот отражает жаркие солнечные лучи. Полированные деревянные кварталы для лежания, брезентовые лонгшезы, прокладные тенты и через несколько десятков палат — свежая трава, деревья, расчешенный кустарник.

После солнечных и воздушных ванн все принимают лучи, нагретый солнцем. Пляски и широко откинутые бани непрерывно выносятся волеюской профильтрованной водой. Большой массив воды распадает тонким слоем, и он быстро нагревается солнечными лучами.

Недалеко от солария расположен буфет. Каждый отдыхающий без особой оплаты может здесь август и выпить бутылку фруктовой воды и даже кружку пива.

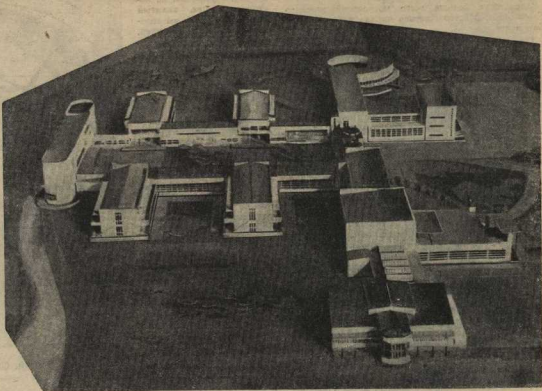
Беседы, чтения, теннисные, крокетные, волейбольные площадки, футбольное поле, кинотеатр на колесах, который быстро отъезжает зимой при помощи передвижных стел, тихо столовые со многими павильонами и отделанными столиками, концертный зал и тир свободно расположились в этой прекрасной местности.

В зависимости от вкусов отдыхающих они могут жить по выбору — в общих палатах или в отдельных комнатах. Обедать им разрешается в столовой своего павильона либо в общем ресторане комбината.

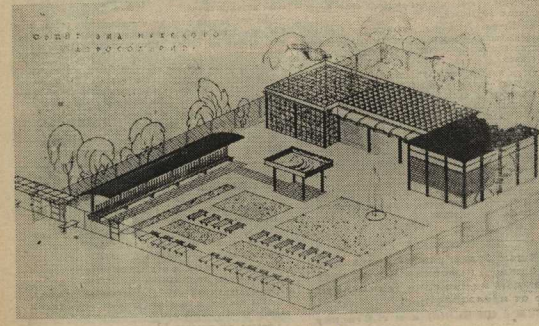
При любом павильоне имеются солнечный и обновленный, горячий и холодный души, комната для занятий, небольшая, но отлично комплексованная библиотека.

В случае дождя игры и отдых на воздухе не отменяются, так как над физкультурно-оздоровительной площадью в несколько минут расстелить полотняный навес.

Все обстановки комбината отдыха продуманы и выполнены наиболее разнообразно и весело. Стандартный подход к отдыхающим вреден. Каждый человек хочет и может отдыхать по-своему, и нечего ему в этом препятствовать. Качество и эффективность отдыха неизмеримо повышаются, если

Комбинат будет строить павильоны облегченного типа

Солнечный-воздушная площадка называется аэросоларием.

отдыхающего не держат взаперти по каждому поводу, а предоставляют ему возможность свободно выбирать.

Надо только позаботиться, чтобы было из чего выбирать.

Комбинат не ограничивается обычной системой отъезда во время очередного отпуска. Отдыхать можно и в выходные дни, и в отпускной период, и в обычный вечер после работы. Наконец можно просто поработать над книгой или над рукописью в свободные часы.

Из этого расчета исходит проектировщик комбината. От рабочего бесшумного кабинета до грохочущих аттракционов может пройти отдыхающий, если он этого захочет.

Стационарный отдых сочетается здесь с отъездом туристским. Покой и неподвижность в рядом с ними физкультурная тренировка, возобновившийся поход, туристская вылазка, игры и танцы. Туристские маршруты построены по оживленной и возмущенной реке, по которой плывут белемые шлюпы, рассекает маршруты ковыль пополам. Маршруты самые разнообразные, так же как и способы передвижения.

Время определяют, кому можно заменить пешеходную экскурсию с ночевой верховой ездой без ночевки. Инициатива отдыхающим дается большая, и если что-либо ограничивает ее, то лишь врачебный контроль.

Шумное население комбината, приходится думать не только по физической силе, но и по культурно-политическому уровню. При организации отдельных ячеек комбината, при расстановке по плавальным бассейнам, при подборе групп затейников учитываются, насколько товарищи позволяют друг к другу.

Комбинат работает круглый год. Летние строения, беседки, площадки превращаются зимой в хитро протравленные, но теплые места. Катание на коньках на территории водной станции, хоккей, лыжные экскурсии, зарядка гимнастика, волейбол и городки в закрытом помещении, управления из свиряды, игры и танцы заменяют лето виды водного спорта. Слова Л. М. Кавалевича в второй степени приводятся здесь планомерно.

Зимой в комнатах тепло, но это не затхло тепло завулканизированных коммунашек, а нагретый свежий воздух.

Зимой усиливается художественная самостоятельность отдыхающих, подкрепленная регулярной работой мастеров искусства в физкультурном. Библиотек и читальни пользуются всеми новинками литературы и журналов.

Совета призывают бюро комсомольских ячеек и комитетов, чтобы советовать деловую работу с веселым досугом. Клубный готовится здесь к дождливым, а кружок самостоятельности проводит релаксацию и даже позволяет в свободный вечер свои достижения.

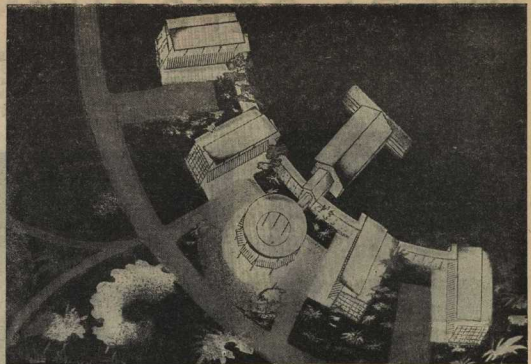
Пока все это еще в творческих планах. Уверенные штриховые наброски теперь превращаются в четкие контуры и конструкции. Ориентировочная емкость комбината зимой 550, летом — 1050 чел. Сода включает 150 мест двухдневного отъезда в течение всего года, 200 оздоровительных мест только на летнем сезоне. Туристская база рассчитывает регулярно обслуживать 200 чел. Летняя лагерная компания организуется на 500 отдыхающих.

Строительство развивается на несколько отделов, и в масштабе на солидный объем, должно стоить сравнительно немного: примерно 300 тыс. руб.

Облаченные в красные и цитровые постройки, так же как и примененные дешевые материалы, обещают большую экономию по сравнению с постройкой обычных лечебно-оздоровительных учреждений.

Сочетание закрытых, полуоткрытых и открытых сооружений не только усиливает строительство, но и становится новым методом оздоровления и предупреждения заболеваний. В то же время оно не нарушает общей архитектурной композиции строительства.

Работники Института курортологии работают над всемиными проектами, разрабатывают вопросы

Летний ресторан состоит из крытых павильонов, соединенных прозрачными коридорами. В центре — чайный буфет

индивидуального подхода к отдыхающим, изучают с точки зрения гидрологичности и климата подходящие для комбината территории.

Но они не собираются изобретать неизвестное.

В основу строительства модельного комбината будут положены уже изобретенные и проверенные на практике формы рабочего отдыха. Сейчас для этого просматриваются и еще раз проверяются огромный оздоровительный и культурный арсенал нашей страны.

Широкая научная разработка всех вопросов, связанных с проектировкой, строительством и эксплуатацией комбината, должна сочетаться с массовой инициативой и изобретательством рабочей молодежи.

Комбинат модельного типа станет полнотенным показателем только при содействии широкого комсомольского актива и лучших удальников.

Небольшое на первый взгляд дело превращается в проблему всесоюзного значения. За первым комбинатом возникнут молодежные комбинаты в многочисленных областях Советского союза. Все равнозначно и культурные условия для этого у нас имеются, тем более что капитальные затраты не фигурируют в наметках Института курортологии.

Слова Л. М. Кавалевича, что Москва должна быть и будет лабораторией, куда люди со всего Союза станут приезжать для того, чтобы извлечь опыт строительства, здесь как нельзя более применимы.

Пока разрабатывается научно-методическая и финансово-хозяйственная часть вопроса и разрешаются творческие задачи, рабочей молодежи надо заняться ронскими суеми и здорового отдыха на берегу Москва-реки. Если лад Боги с местными павильонами и мощными лесными массивами.

Организованный комитет по созданию комбината выдвигает стать центром изобретательской мысли в области молодежного отдыха и досуга.

Из комсомольских ячеек, из клубов, красных уголков, обществ, парков культуры, из самостоятельных кружков и туристских ячеек пусть выйдут притягательный сода, проложившая, каким должно быть необычный комбинат.

Работники искусства и кружковцы — артисты и художники — могут и должны помочь конструкторам сетями, легкими и красивыми помещениями, физкультурными площадками, парком и садами, удобной и легкой мебелью и наконец всевозможными увеселительными аттракционами.

Все данные советы и замечания не только по этим отраслям, но и по всем вопросам, относящимся к комбинату, будут с радостью учтены в большой и новой работе, которую затеяла молодежь Москвы.

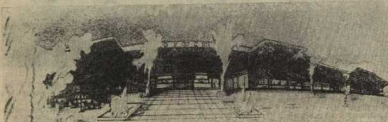

Беседы отдыха будут разбросаны в парке комбината

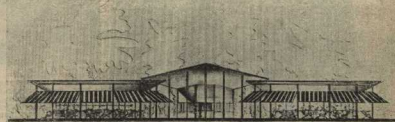
Центральный буфет, будет с радостью учтены в большой и новой работе, которую затеяла молодежь Москвы.

Общая возвратиться еще к теме о показателем комбината молодежного отдыха, «Смыслы» называют своим читателям стать активными участниками его создания.

Чтобы создать новый, великий синтез социального труда и активного отдыха, надо еще крепко и дружно поработать.

А это проект специального буфета без столовой

Открытая читальня. В центре — книжный киоск, слева — шахматы, справа — тихое чтение

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

ТАК БЫЛО

У подножья горы Магнитной. Река Урала (б. Яик).
Родина пугачевского восстания

От гор старого Урала в глушь сибирских лесов уходило безмятежье. Казались неисчерпаемыми для человека неисследованные просторы уральских гор и сибирской тайги. И кое-где небольшими городками лежали вдоль российского каторжаного тракта небольшие деревушки, носившие грустные имена Козьм, Погожск, Погорья, Хаваловск, Самозубск. Жили в этих бедных от каторжаного крепостного труда, ждали расколыхники, скрывавшиеся от преследований ирраскольников перекли, ждали народы, обреченные царизмом на голод, нищету и вымирание, ждали расколки и золотосекатели.

На пути в ссылку в Сибирь. 1902 г.

Обширные территории каторжаной кандалной Сибири таили неисследованные богатства железных, медных, никелевых, серебряных руд, угля, калийных солей, самородков, золота, платины.

Каждая жемчужина приводила сюда иностранных капиталистов... концессионеров. Предприимчивые купцы, промышленники Демидовы, Шушаровы, Строгановы получали здесь по царской воле огромные капиталы с ирраскольными кзаводскими крестьянами. Беззащитными, униженными эксплуатировались люди и богатства великой необозримой страны...

Напитывались дикой российской техникис стоят эти коюде деревянные башни строгаювских sawмолдов и убогие извкорсарые домы. Шпату на эти домы молили жюды, и втуживались печи прочную деревяными лопатями...

Так было.

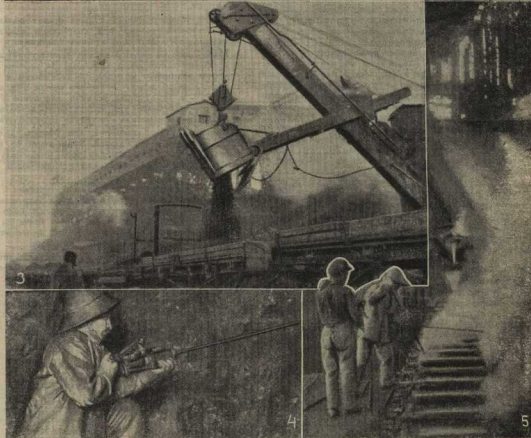
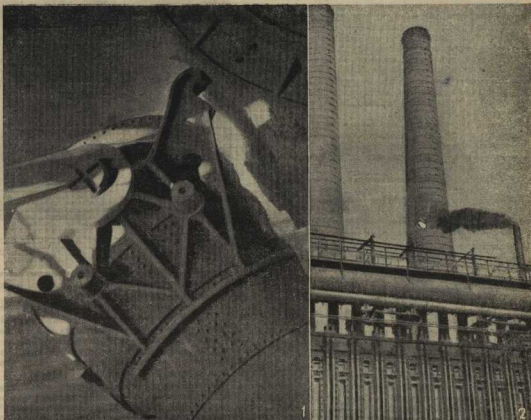

Солёные варницы старого купеческого Урала
Картина худ. Ф. Локтя

НА XVI ПАРТС'ЕЗДЕ В 1930 ГОДУ ВОЖДЬ СКАЗАЛ:

«СЕЙЧАС ДЕЛО ОБСТОИТ ТАК, ЧТО НАША ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, КАК И НАШЕ НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО, ОПИРАЕТСЯ В ОСНОВНОМ НА УГОЛЬНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКУЮ БАЗУ (НАТ УРАИНЕ... НОВОЕ СОСТОИТ В ТОМ, ЧТОБЫ, ВСЕОБЩЕ РАЗВИВАЯ ЭТУ БАЗУ И В ДАЛЬНЕЙШЕМ НАЧАТЬ ВМЕСТЕ С ТЕМ НЕМЕДЛЕННО СОЗДАВАТЬ ВТОРУЮ УГОЛЬНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКУЮ БАЗУ. ЭТОЙ БАЗОЙ ДОЛЖЕН БЫТЬ УРАЛО-КУЗНЕЦКИЙ КОМБИНАТ—СОЕДИНЕНИЕ КУЗНЕЦКОГО КОМБИНАТА ГОСЯ УГЛЯ С УРАЛЬСКОЙ РУДОЙ».

(Сталин) № 1

Советская индустрия движется на Восток. Близке к Европе, равновесием захватывая огромные пространства СССР, наилучше, наилучше используют современные природные богатства, растут заводы.

Уже переосмыслена экономическая география Урала и Сибири. Кузбасс открыл свои недра величайшего угольного бассейна мира. Но инициативе т. Сталина, по воле рабочего класса и партии возникли здесь невиданные гиганты металлургии. Большие года назад начали ра-

ботать Магнитогорский и Сталинский заводы. С горы Атау шли вагоны железной руды. Наострему их передвигали переносными кузнецкий уголь. Здесь добывают руду (рис. 2), выкапывают кокс (рис. 2), доменный чугуном плавят чугуны (рис. 1). Кузбасс—угольная яемужина мира. На месте убогих изустаревших шахт высятся сейчас горы заводов угля. Непревзойденные по мощи шахты вооружены великолепной механизацией (рис. 4).

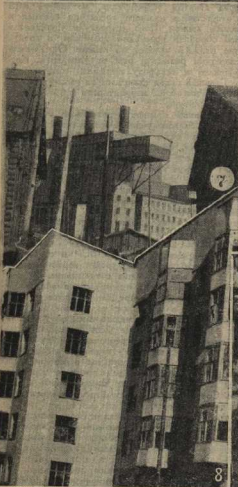
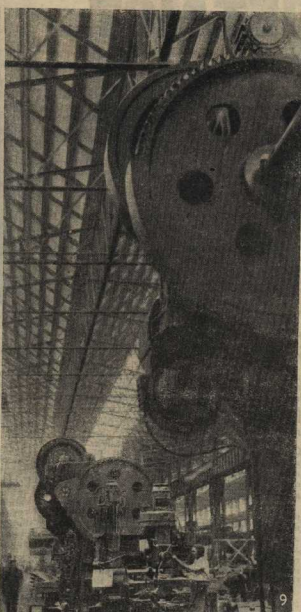
Снимки Союзфото и «СССР» на «Трибуна»

ВЕЛИКОЙ СТРАНЫ — УНК

СДЕЛАНО В СССР

ЧЕРЕЗ 3 1/2 ГОДА НА XVII ПАРТСЪЕЗДЕ Т. СТАЛИН ЗАЯВИЛ:

«ЗАЛОЖЕНЫ ОСНОВЫ УРАЛОКУЗНЕЦКОГО КОМБИНАТА, — СОЕДИНЕНИЯ КУЗ. НЕЩКОГО КОНСУМИРУЮЩЕГО УГЛЯ С УРАЛЬСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ РУДОЙ. НОВУЮ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКУЮ БАЗУ НА ВОСТОКЕ МОЖНО СЧИТАТЬ ТАКИМ ОБРАЗОМ ПРЕВРАЩЕННОЙ ИЗ МЕТЧТЫ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ».

50-сильный «сталлинец»! Трактор ЧТЗ

«Сделано в СССР» — такова заводская марка инициатора, открывающего новую большевистскую молодость великой страны Удк.

И преискусство техника-экономической независимости нашего Союза почетное место принадлежит заводам, шахтам, комбинатам Урала и Сибири. Пioneиры первой индустрии открыли индустриальное утро величайших сибирских пространств.

Под конвейером радиоволновой машины. Чугун Мегитин

Нет Сибири какалывай! Нет Сибири тоскалывай! Перекрутки и заплатайвай! Магнитуты углы, металы, машина бороздит ее дороги. Идут тракторы с ЧТЗ. Идут чугун с Мегитина и Кузнецка, идут машины Уралмаша.

И уже сегодня четко вырисовываются контуры величайших гидроставей на Алабге, второго Кузнецкого и Бакальского металлургического заводов, инициальных гидротурбин, заводов машиностроения — мажорных собратей Уралмаша.

Взрета великой страны УНК еще более ищраено.

За сборкой пушки Бронисус. Уралмаш

На северо-западе лежат каменные шахты Соликамска (рис. 8), первые корпуса междолавадных гитантов Красноуральска (рис. 5), радиационные шахты старых деревенских городов, руины шпиль корпуса Пермского заводского комбината (рис. 7). Отсутствует тайга, отсутствует болото, отсутствует лес. Не угавать, сегодня и старые покустарники уральских заводов. Они гитуют за молодыми братями большевистского клемента. На какой из шпалов грабильностроения? 13 делов его-это нечи увянуком, его демонстрация тайной советничной, самой непервой тайгины (рис. 9). Уралмаш — это завод заводом. Его увяквернет тайком, которых не знала еще ин-

когда СССР.

Магистраны электрических линий проколят по новым городам (рис. 10). Далеко в тропике слуги екатеринбургские итаиные дома и деревни. Старые карты не знают этих городов, они отстали от воли, Магнитогорск, Новокузнецк, Красноуральск, Свердловск, Корпуса кузьи, научных институтов, театры переплываются с новыми рабочими поселками. Такова была сегодняшнего дня.

Чугун, Уголь, Медь, Кадий, Манганин, Вот что дает сегодня эта замечательная страна. Имя ее — УРАЛО-КУЗНЕЦКИЙ КОМБИНАТ — УНК.

Текст фотоочерка М. Черненко

ЛЫЖНИКИ, КОТОРЫЕ ДЕЛАЮТ...

В выходной день тысячи людей покидают пределы города. С утра они движутся по улицам группами и в одиночку, в санях и в горных ботинках, с лыжами на плечах. Многие берут остроносые лыжные саночки и на них сложнейшим способом...

Крупные склоны окрестных гор принимают толпы тысяч лыжников, сотни санок, десятки тысяч зрителей.

И горожане идут в горы. Одни, подобно птицам, возносятся в воздух в стремительном полете прыжка, другие с потрясающей быстротой спускаются на тоночных саночках с вершин горы, остальные просто любуются возмущающим зрелищем скорости и мастерства.

Высоко-высоко на горе стоит деревянная встанка. На ее площадке чернеет толпа. Это лыжники. Его еле различаешь. Внизу широкая лыжня зрителей окружает место, где искусный лыжник-прыгун закончит свой прыжок эффектным поворотом Телемера.

Человек на площадке ждет сигнала. Суды семафорят флажками: «Путь открыт!». Лыжник осторожно направляет лыжи вниз, и трамплину, и бросает свое тело вниз. По снежной дорожке стремительно сползает снарядные лыжи. Скорость растет молниеносно. Лыжник круто свл за спутные в воздухе ноги и в этой застывшей позе мчится к обрыву.

Приподнятый конец дорожки, напоминающий передний конец лыжи, подбрасывает тело смельчака высоко вверх. Лыжник резким движением прижимается, усиливает взлет, и, вынырнув в воздухе дружкем, так опрокинув птица с чуждыми концами-лыжами, с едва уловимым шумом летит... летит... летит... Когда инерция валета иссякает, человек устремляется вниз, резко упрямая движение. Вышедши рыв смельчака становится удержать в воздухе свое упрямое тело лыжнику долю секунды. Он хочет ухватить на склоны крутой горы как можно дальше от трамплина. Он кончит свой корпус под Дев—три секунды длится этот замечательный, незабываемый момент.

— О-о-ох!—шумок выхватывает своей бегой грузило вращению становится на ее твердой скат и, не уменьшая скорости, свальзает вниз, к черной петле зрителя, убегая от серебряной палы, замещающей из-под тяжелых широких лыж. Резким и крутым поворотом лыжник заканчивает свой волевым образный путь по горе и воздуху с верха встанки на широкую ледовую равнину.

Дальше и смелее прыгает молодежь в возрасте

18—21 года. Прыжки этой группы достигают 55—60 метров и резко вымалываются среднестатистического стандарту в 40 метров. С особым почетом публики встречает стариков. Лыжник старше 50 лет совершает прыжок в 38—40 метров. И если он при этом удержится на лыжах, должен быть прыгун и очень радья все зрителя.

Но не всегда удачным оказывается прыжок. Малейшая неточность спуска, разгона перед взлетом, чуть-чуть неверное положение корпуса в воздухе, лишней взмах руками—и нарушена координация движения, смат прыжок. Лыжник уже в воздухе теряет управление своим телом и, как самолет без руля, неуверенно сваливается на одну ногу, теряет равновесие и кувырком заканчивает свой неудачный прыжок. Криво приземление к горным ботинкам лыжника короткая лыжи вырывают гладкую дорожку бляхы комьями снега. Случается, вихрь встречного ветра срывает с головы смельчака лыжную шапку и долго катится волга за прыгунгом черной комочек, как бы подчеркывая головокружительностью быстрого своего храброго владения.

Тех, кто впервые наблюдает лыжные прыжки, ошеломляет зрелище полета, шумок «приземления» лыжника, стремительное свальзание, упругий поворот прыжка.

Мировые рекорды в прыжках на лыжах долгое время крепко удерживались норвежцами. Десятьлетняя девочка соделаала молодежь искусством прыжка. Богатая страна страдала естественные трамплины возле каждого города, рядом с любым лыжником. Прыжки за 60 метров расценивались как мировые результаты.

Сейчас мировой рекорд перешагнула за 70 метров. С норвежцами успешно конкурируют американские и швейцарские лыжники. Во многих странах, не имеющих естественных гор с крутыми склонами, сооружаются огромные встанки. Бывает, что снег для них привозят на грузовиках.

История лыжных прыжков в СССР коротка и не была всего лишь заветом в Советской стране. Искусство прыжка могли учиться лишь один Ленинградцы, отправляясь в выходной день в Парголово, где была сооружена гора. В первое время Финляндия достигала 12—14 метров. Эта скромная цифра считалась в то время всеосознанным рекордом.

Сейчас всеосознанный рекорд добрался до 35 метров.

В Москве первый трамплин был востроен в 1931 году. В прошлом году построена вторая трамплина на Ленинских горах—выше, круче и дальше. От-

Лыжник летит... летит... летит...

крытые горы решают открыть повсеместным сооружением лыжных прыжков СССР. Но чемпионы перед стартом «сметают», мотворя свои отцы отсутствием нужного крепления ботинок и прыжковым лыжам. Пока устроеным управлению местностей прыжков лыжных трамплина, в воздухе выискивал вылезла человек на лыжах. Ошеломленные спорщики развинули рты от удивления. Кто-то бросился к телефону вызывать «скорую помощь». Главный судья свальзаясь за голую; «скеру» на скамьях, выговор—нецензурности в Московском совете физкультуры.

Нофициальный прыжок неизвестного «матера» американца благополучно. Образование такти оборотом два судьи бросились к горе, чтобы узнать его имя, организацию, стаж. 15-летний «Хаус» оказался жителем Воробьевки, позвавшим искусство прыжка самозучить, был лыжной-либо помочи. Спорили прыжок—около 30 метров, т. е. результат лыжника к рекорду СССР. У прыжка была самые обыкновенные лыжные лыжи с самодельными креплениями.

Прыжки на лыжах вошли в комплекс зимних видов спорта ГТО 2-й ступени. Высшая норма—15 метров. Парал ВССФ возложил задачу построить два десятка трамплинов по РСФСР и создать в Москве республиканские курсы горно-лыжного спорта и прыжков на лыжах с трамплина.

Города, которым было предписано в обязательном порядке востроить гору для прыжков, выискивая равнине у удачного количестве. В центр посылались просьбы разрешить постройку трамплина. Иногда встанка там, где они предположительно только в будущем. Ориентировочная цифра трамплина—20 сооружений в эту зиму—уже сейчас преувеличен влоск. Помимо двух гор в Москве, двух в Ленинграде трамплины для прыжков уже востроены в Горном, Пермь, Свердловске, Архангельске. Сооружена гора в Вологде, два трамплина строятся на И-Волге.

На тренировочных занятиях курсы производят интересные вещи. Вырванный чемпион-рекордсмен СССР оказывается в хлосе способных учеников. Ученики на тренировочных лыжах достигают результатов в 37—38 метров, т. е. на три метра больше официального всеосознанный достижения. 15-летние мальчуганы на тележках—на лыжах обыкновенного типа для ходьбы—прыгают на 35 метров. Не боятся прыгать с трамплина малды по 8 лет на простейшей встанке от боток.

Техникой прыжка в совершенстве овладевал скауты-альпинисты курсов. Советская физкультура не хочет оставить в прыжках на лыжах. Прыжки на лыжах служат ступень к прыжкам в воду. В этом виде зимнего спорта советские физкультурники скоро догонят лучших мировых прыгунов.

1 Мировой прыгун, норвежец.

...В выходной день тысячи людей покидают пределы города

УНИЧЖ

Да, зовола группы «Атресим» завытаются, тусуют, одним словом, утратив способность кормить уют проморальной коллектив.

Особенно скандально обернулось дело в клубе колокола «Черной жювет», Нижегородского района.

Руководитель группы Малахитов тогда выбежал со сцены за кулисы и, впадая в истерику, истерически прокричал заведующему клубом:

— Хуангастро! Они алодируют! Вы самшите: они алодируют!

Так там и надо, — хладнокровно ответил зав. клубом Вречко. — Они за дело алодируют.

Собравшись в клубе действительно алодирующими остоженно и шумно. Сначала это аласало артистический слух. Но колокольники алодируют не во время исполнения артистами своих номеров. И смеха эти алодиamentos формидорався примерно так: «Доод халутру! Но жотим слушать!»

Группа обратилась в бегство. До жотим Харюкова переключива группа и ее руководитель Малахитова были, разумеется, драматическими...

У группы Малахитова в «Черном жювете» были соперники: местный драмкружок, шумовой оркестр и еще кой-какие ядны организации востояй жизни.

Драмкружок уже привла поклонникам чувство критического отношения к пошлостям, но и бесплатными номерам привязных гастролеров.

Фондизно драмкружка предшествовала памятная встреча помощника Кионалова с секретарем комсомольской ячейки Савиной.

Было это после вступления колокола в неприятыя ные для него дни. Все пошлые работы закончились. Горькие, задревшие дни сменились уютнейшими активными. И помощик встала оживлена на мосту секретаря ячейки остоженно пылко...

Камансон и Савино тоже подоружився за эти восемь алодиamentos месецов. Остоженно помозала вела под руку друга, лучшего колокольного секретаря. Помозал молчала. Молча они дошли до кабинета Савиной. А на другой день Камансон привла на собрание ячейки. Его выступление было посвящено «сучке», которую нужно ликвидировать, хотя она еще исполняет за дела.

На этом же собрании организовался драмкружок. Отбор артистических кадров оказался делом трудным. Но розыски подходящих песен превратились в мучу. Нездолго прочитанных новых колокольных песен было возложено или на монохотную речь докладчика или же оставался недоступными по своей сложности для исполнителей драмкружковцев.

Весь драмкружок привласа сочинять песню на жизнь своего колокола. Получалось нечто вроде лирической газетной с остоженно герою — лозлерем-вождиком Грофином Гурю. В самом процессе творения была ряд драматических моментов, когда автору веза творческой разгорелась, принимавшая с остоженно ругаться. Но все же в конце концов пошлость к решительным. В день спектакля места в клубе еще с уют были заняты ценными бумажками, кусками железа.

Работу артистов несколько затрудняло поведение публики. Она по существу устроила во время действия шумный диспут. Она немедленно выражала артистам свое недовольство или одобрение. Бурный успех имелся сцене в клубе, по ходу действия, видная везаженого лозлеря, прикреплению к остоженно конюзу Гурю. Ее жалкий, расстрелянный вид остоженно доводил до слез. И тогда он вскричал на сцену и возглаголю текст песни, покаяния передать быть Гурю и превратиться в удержива. Песня этой «вставкой» была исполнена по обещаниям не оказалась.

Потом на сцене появились местный шумовой оркестр. Его возглавлял бригадир второй бригады Гимурко.

Своим существованием этот оркестр обвяс скоро кооперации, чьи творческим нежанием ячейки. Мысль о шумовом зародилась у Гимурко в коопе-

...На сцене появились местный шумовой оркестр...

ративе, где бригадир убедился в невозможности приобрести с помощью кооперации музыкальные инструменты. После самостоятельных поисков зав. магазином удалось достать только два балалайки, но и те без струн.

А без струн кололау далеко существовать было просто неприлично. Роль оркестра обычно исполнял убожденный лозлеря, гармонист Стручков, владевший развращающей пошлостями и к месту отношению колокольного руководства (собидаться, — не будет играть!).

Гимурко однажды привес в клуб груду старых тракторных запасных частей, две бутылки балалайки и обвясил, что он организуе шумовой оркестр. Перед Остробрисским торжествами оркестранты искусственно рестрировали и наконец появились на сцене.

Когда Гимурко влохотвенно заматыва рукой и простно грохоча ключом по цилиндров, вызвав дико систоласякю звуков, издаваемых оркестром, слушателю сначала остоженно... Но потом, вслушавшись, мало помалобил свой «шумовой» оркестр. Сейчас по мере приобретения инструментов оркестр постепенно очищается от наиболее остоженно «инвентаря».

Драмкружок и «шумовой» оркестр — это предмет гордости колокола «Черной жювет». Они удерживают данные изменения вечера. Но и от учета, и от драмкружка, и от музыкальных занятий все же остается немало времени. Часть его поглощают пролежки чтения, аповолившие всеобщее привлечение.

Громкие чтения остоженно утвердились после разбора на бюро ячейки «преступления» Василия Дуныя.

На преступлении ораторы «бурбурились» с давно вползавшим истощением. Он только вивовато бурмотал, призывая свою яму. Дуля обивалась в том, что, получив на руки единственной в кололазе везажелар драгоценной «Полиной цеминь» М. Шолохова, ве-верных, захорюл его в течение полуктора месца, а во-вторых, преступно вползавало с своим маленьким братишкой, который вивовал шесть страниц.

Этот вредительский акт привласо обсуждать на заседании бюро.

«Саволоват» Темков сообидил, что Василия в течение шести дней преследовали просьбами вернуть книгу, которую с втерением ждала 34 человека. Он же в довершение всего оказался виновником гибели целых шести страниц из такого романа, который нужно беречь, как зеницу ока.

Василию обвясан выговор. Но из дела Дуныя ячейка извлекла уроки.

Стадо ясно, что удовлетворить всех желающих

прочность роман Шолохова быстро не удастся. И Савино предложаи:

— Чтобы не томиться в ожидании, устроим громкую чтение «Полной цеминь».

В первый вечер было прочитано 28 страниц. Больше нельзя было прочитать, так как чита перебивалась вползаванными репликами.

Весь роман удалось прочитать в течение восьми дней. После состоялось обсуждение, и результаты которого был разработан ряд вразложений к. в-всеннему яву.

Но громкие чтения только смитчили инстремитому тоску по хорошей книге. Платотизался по-прежнему преследуются заманка на книги. Политотделцам оказались «жертвами» собственной работы: они вивали между к книге, и теперь — бебей, доставая литературу!

Шестую страницу над кололазом завод «Красный Октябрь» как-то прислала стюно книг. Но комсомольцы, ознакомившись с присланными, испитали только уютно новизности за своих шефов и отложив в сторону библиотечку, собравшую по прищину что вы негодное.

Ячейка решила устраивать диспуты. Первый был посвящен буму, точнее грязи, заволашеива ябды. Секретарь Савино проинес речь, вступила немало работ. Но диспут ни везащего успеха, ни конкретных результатов не имел. Ячейка же влючалась в свой план «привлечение» другой литературы вид изв колокольников».

Слова оказались бессилами перед слухом ябды. И тогда Савино решил применить другой способ пропаганды. Он в течение четырех дней прочитал чистня, скреб, белая, мма свою ямбу, удерживала книгу вези, оборудовала сканбейки, лозку, развласа чертушки с цветками. И вивовел Савино пригласаа молодежь в гости к себе, в свою ямбу.

Вид его был остоженно гостей. Холаные стены и пол повергали их в изумление, а цветы и вивазиски просто остоженно. Савино вивовал, апропретированное им чувство — зависть к своей ямбе.

Эта пропаганда далеко оказалась действенной. Ячейка начала поход за упорядочение над сначала молодежи, а потом и остальным.

Бюро ячейки сейчас разрабатывает проекты улучшения ямбы села, организации «бюджетной инспекции» и т. д. Над этими проектами кое-кто пошмивается, в частности ям. председателю кололаза Лыбиной.

Но Савинко всем им убедительно отвечает:

— Почему же не выидет? Главного уже добилась. Главное то, что микрокультуры уже появились в души колокольников. А он, этот микро, умный, пошол теперь на даст.

Первый рассказ

Я хочу обмануть солнце. Для этого я плотисе завариваю газла и делаю вид, что это не замечу. Так проделывается несколько. У солнца хвастает больше терпелива бархатства в осле на мой головой, чем у меня лежать с закрытыми глазами и слушать, как нежно твоего часа.

Я наслаиваю с постели и раскидываю окно. Смутный износ играет с ребятами на песке. Высокий тополь качает над ними тяжелые ветви. На моем столе разбросаны испорченные листы — это черновики, варианты. С расклевом я вознаю две недели, отдавая ему все часы свободного времени...

В это время отпустил и кину, а оставшую кинувку с телефоном спрятаю подальше...

Однажды, в разгар работы, лотта передала мне маленькое голубое письмо. Писамо, скромно просило прийти туда-то и туда-то. Я не вытерпел и пошелась. Дорогой я рисовал себе облик незнакомки. Через несколько минут в столо, окруженный готовящими приятельми.

Короткие сны разнообразная сюжет моего рассказа. Однажды герой рассказа пришел ко мне в сон и начал заводить. Ему не понравился мой решение. Он стра кидается стулками и задрожать. Но я был неподвижен. На работе я внимательно изучал воступи мои герои. Герои подобно отвечали на вопросы, но когда я их снимком издала, они посылали меня к чертям. Тогда я начался. Начинная всеобщая их умением ловно работать: седела герои мечтал, и они рассказывали о себе верно и много.

Я отнес мой первый рассказ в редакцию. В редакции встретил любезно и зарегистрировал название рассказа и мою фамилию.

И вот я теперь мечтаю. Мне хочется только, чтобы рассказ не затерялся в редакции и чтобы его прочли. Но скоро становится этого мало. Я хочу, чтобы моих героев поняли и открыли на первые странички журнала. Потом мне становится немного неудобно на свои мечты.

Отдавшемуся радио полесаетея приговаривает к утренной вариате.

Семь утра. Я торопливо проскальзываю по коридору и становлюсь впродолжение расклатого осли. Я принимаю и голосу на рупору, немного строгому, немного нежному, и мне кажется, что рупор — это живой человек, который заводит меня, следит за мной и заповедывает мне поведении. Безумно уябься рупору, я поспеваю выполнять его приказания. Воробей на ветке улетает, пощелкивает голосу и следит на мой кругляк глазами.

Напряженные носки медленно поднимают меня вверх, руки делают широкий захват, и сочиняющая, перелетевшая меня, ударяет в голосу.

Бегу под кин. Холодная голубая вода изливает упи, рот, глаза. Глаза, что вокруг плещут волны. Чув-

ство, как волны начинают меня качать и плыть на бок. Я скорее заворачиваю крив. Синястая струя воды резко образуется. Густеет короткая тишина. Кажется, что и окунаю от сна, в котором тогуа.

Из всех предметов комнаты наиболее только часы. Они не хотят считаться со мной и ухажливой порываютою тоюкую стрелку с минуты на минуту. Я отворачиваю от будильника и раскрываю пахучую газету.

Надее робко стучит. Я оглаживаюсь. За газетой мой остается сидеть только десять минут.

У меня хочу знать сегодняшнюю мир и бесцеремонно хватаю часы за ухо и закидываю их под подушку. Гешина становится проторной. В ней ничто не мешает мне. Новости оголеваю бегут навстречу. Я начинаю отговаривать себя таким восторженным, тополь керулаю только что к критического путешествия.

Внимаю из-под подушки будильник. Сераде его слать бестя, но он предан мне и честно наполняет, что пора на работу. Я снимаю со стены асольеиде, жму, как дружелюбную руку, упругие поерники и вывожу машину на улицу.

Воспоминание растет на руке. Я бегу с ним рядом. Вот он сейчас сильно оттолкает меня задним коаосом и скроется за углом. Я впримываю в село, ловаю ногой метнувшись вниз педалью и сразу приобретаю необычайную легкость и стремительность.

Я ниже пригибаюсь к рулю. На моей махушке ветер перебирает волосы. Ветви, осмиженные листьями, бьют меня по лицу. Моторная ворочается водо мной, поднимая то один бок, то другой; влост бросается вверх и, подергивая меня в горизонтальном равновесии, толкает вниз. Кусты разбегаются в стороны. Песок тонок, как лед, звенит под колесами. Я быстрый и быстрый глотаю воздух, пахнущий то осовой, то аловой, то алым димом желтыйского газоблогучию.

У знакомых ворот останавливаюсь, лодма ветку и веткой стучу в окно. Окно быстро открывается и по мне сломается дивушка. Я снимаю ее маленькую телую руку в своих ладошках. Девушка смеется, выпрывает и бегит одеваться. Ей пора в институт. (У нее люблю носить голва девушка в кармине, тиснутыми на фотографии. Я люблю носить их в себе, чтобы только самому ощущать их внимательный, чуть утравляя запах).

Я провожаю девушку до трамвая, одной рукой сжимаю ее лодку, а другой руку за руль велосипеда. Загорелый широкий принос стискивает моему шеексту. Далекая зномячелья спускается с динного рупора.

Девушка смотрит в высокое чистое небо, где, выалывающиеся, купается яриный, как створоса, самолет, и говорит, что было бы неплохо провести остаток дня вместе...

Трамвай подкатывает, как веспросс.

Гуарои шоссе только что осененил утренной волникой и претрит отлаженными. Девушка висит на подножии трамвая и кричит, что ми встретился на реке. Потом ее смеющегося лицо показывается на окна вагона.

Мстус за ней на велосипеде. Он астиг, то догонит, то перегонит своею воюку утренного тучи. Я вижу, как к моему девушке кто-то наклоняется а трамвая, и мой голы начинаю кривиться еще отчаянней.

Беза трамвай смотрит на меня. Я поаю сматся и гордости. Чувствую себя нешюном. Набрало в грудь как меня больше воздуха и пригибаю, как запровавший голонца на велосороне... Но трамвай, останавливается, китрой. Он лвет мне время вытолкнуть и, крикнув на оставшие, сворачивает за угол и уносит с собой девушку.

Амютиное отделение — самое светлое помещение в моей типографии. Солнце лучезарными ручьями стечет с окон и светует на полку. Из окна видна зеленая станция. Яркая река, в голубой майке, медленно плывет в широких берегах.

Я слышу за амютиной торнестевою, как за рояль.

Мастер влет оригиналь. Я приклевлю страничку перед собой, как лоты, и задлю вглядываюся а первые строки.

Я люблю набирать маленькие законченные вещи. Строка за строкой один строит сюжет, в которой волонция, как в собственнотию ювонья. Часы ажуется минутой, минутой — секундой.

По привычке а морщу лоб и напрягаю глаза, но фова аждут сама вычлывает звучать. Вот знакомая ивица и воступи, частокла пейзажа, который я яркая пером...

А везд это мой рассказ! Вот они — мои герои! Я распрощался с ними в тишине моей комнаты и теперь снова встречаюсь.

Высокий и худой инструктор стоит рядом со мной, наклонив голосу. Я знаю, он любит меня. Он любит мои пальцы, набирающие предельно возможное количество букв.

Рука берет на клавиатуре высокую голосу слатов. Зномячелья дятка, как струны. Их аккорд торнестево и строи. Инструктор уябьется. Он хочет скривить уабит доволства, но мне никак, как в его стеснии, дохлякых ухах дамств губ...

Рабочий день кончон.

Я останавливаю машину. Мягкой щеткой отбояю ее бастинцию бок.

Я устал. Я начинаю думать о темном летнем вечере, о высоком звонком небе. Я не люблю дождли. Они всегда пощут другие стеснии.

Но небо большое и свободное. И я уже ощущаю, как над рудом а девушкиной. Потом явику, как выходит она из ностки, выплывает руки и бестично летит в небо, а облетя своему отравлению.

Я складываю руку в рожок и зову ее играть в баскетбол.

Ботвинник — Флор

Печатаем комментарии мастеров Григорьева, Канна и Юдовича к ленинградскому туру матча.

7-я партия. Английское начало

Ленинград, 10 декабря 1933 г.
Ботвинник (белые) — Флор (черные)

1. e2 — e4 e7 — e5
2. Kb1 — c3 K8 h6 — f6
3. Kgl — f3 K8 h6 — e6
4. d2 — d4 e5 : d4

Флор изменил систему, которую обычно применял в 5-й партии, когда он играл в том положении e2—e4.

5. Kf3 : d4 C8 h — b4
6. Ce1 — g5 b7 — b6
7. Cg5 — a4 a4 — d6
8. e2 — e3 . . . . .

Здесь большого внимания заслуживает f2 — g3 в последующие e2—e4.

9. Cf1 — e2 g7 — g5
10. Cb4 — g3 Kf6 — e4
11. Kd4 — c3 b7 : c6
12. Aa1 — c1 . . . . .

Безопасно 12. Fd4, так как черные все равно рокируют.

12. . . . . 0 — 0
13. 0 — 0 Cb4 : c3
14. b2 : c3 Ke4 : g3
15. h2 : g3 C8 h — f5
16. Ce2 — f3 Cf5 — e4
17. Cf3 : e4 Fd7 : e4
18. Fd1 — d4 Cb4 — e6

Простой размен ферей выправляла белые пешки, но давая надежную игру. Флор хочет большего, но учитывая всей силы отбоя Ботвинника, и попадает в немалые затруднения.

19. e4 — e5!
20. . . . . Fd6 : a2

Теперь белые и пешки выправляют и выходят для себя совершенно игру 19. . . . .

21. . . . . Fd6 : a2

Непрочное завоевание!

20. e5 : d6 e7 : d6
21. Fd4 : d6 Fd2 — e6!
22. Afl — d1 . . . . .

С двойной угрозой — или 23. C f6 и 24. A d6, или 23. F e5 и 24. A b6. Ставоят очевидным, как сильна позиция белого и как слабо у черных королевский фланг.

22. . . . . A f8 — b8!
23. Fd6 : e6 f7 : e6

Все пешки черных бесцельны, и все могут погнубить (после 24. A b6) королю проходной, в которой она стоит ничейно. Показательны варианты 24. A b6 : e5, 25. A c6 : e4, 26. A c6 : A b6, 27. A b6 : a2, 28. Afl : A b1, и черные выправляют все 27. A b6 (место A : b6?)

22. A d1 — d4, и белым трудно задержать от угрозы A b8 и A b1.
24. A d1 — d4, и белым предлагают ничью, на что черные согласались.

Ботвинник вполне мог не спешить с ничьей, и сдержать все же 24. A b6, e5, 25. A c6 : e4 и в ответ на 25. e4 : b6, A b6 (но не 26. A e6, как в предыдущем замечании), e3, 27. A d1, e2, 28. e1!

Дальнейшее продвижение пешки е соответствует ее бланку шаха во выигрыш.

Комментарий Н. Д. Григорьева

8-я партия матча. Французская

С. Флор М. Ботвинник

1. d2 — d4 e7 — e6
2. e2 — e4 d7 — d5

Уклоняясь от голландской защиты, которая получалась в случае 2. e4 на 2. Kf3.

3. Kbl — d2 e7 — e5

Лучший ответ на 3. Kf6. Белые отвечают бы 4. e5, Kd7, 5. Cd3 e5, e3 и в дальнейшем продолжением Ke2 и f4 сохраняли бы мощный центр.

4. e1 d5
5. Cf1 — b5 C8 d7 — e7
6. Fd2 — e2 Cf8 — e7
7. Fb2 : e7+ Kf8 — d7
8. Cb5 : d7+ Kd7 : e5
9. d4 : e5 Kd7 : e5
10. Kd2 — b3 . . . . .

Именно эта позиция и расценивается в пользу белого в связи с тем, что здесь слабеею малоразвитой пешки d5.

10. . . . . C6 — e6
11. Kgl — e2 C7 — d4
12. e2 — e3 Kd8 — e7
13. 0 — 0 C8 h — c7
14. Afl — d1 A f8 — e6
15. Afl — b1 A d8 — c6
16. Kgd1 — fl K7 — a6
17. Ke2 — d4 Kd4 — b6

Выполненный своим нисхо на аф конь переводится на еще более слабую позицию e4.

18. Kf3 — e5 Kf6 — e4
19. Ke5 : e4 Kf6 — e4
20. Ce1 — c3 Ke7 — d5
21. Kd4 — f3 . . . . .

Комментарий М. М. Юдовича

9-я партия матча. Защита Каро-Канна

М. Ботвинник С. Флор

1. e2 — e4 e7 — e6
2. d2 — d4 d7 — d5
3. e4 : d5 e6 : d5
4. e2 — e4 Kf8 — e6
5. Kbl — c3 Kf8 — e6
6. Ce1 — g5 . . . . .

Белые снова идут на вариант, встретившийся уже в 1-й партии матча. Первая неожиданность для Флора!

6. . . . . K6 — e5

В случае 7. Kd5 проигрывает 8. C : e4, 9. Fd4 : e7, 10. C : d7.

Интересна также вариация 8. b4, e1 b9, a : b, после чего пешка 9. . . . e6, 10. Cb5 : d7, Cd7, 11. C : d7, выигрывающая Kp : d7.

8. C d1 — d4 Ke5 — d3+
9. Cf1 : d3 e4 : d3
10. Kgl — f3 . . . . .

Значительное усиление против продолжения черной партии C : f6.

Перед черными теперь серьезнейшая задача — избежать развития королевского фланга.

10. . . . . g7 — g6?

Черные не находят правильного продолжения. Лучшее всего 10. e6, f1, Fd3, Ce7 (пешка 11. . . . e d, 12. C : e4, 13. K : c6, Fd8 : e7, Fb6 : a7, 14. Kd1 или Fd6, 14. Ae1), 14. Fd5 : d7, Cd7 (только не Fd7, 15. Ke7+) 15. Fb7, выигрывающая пешку 12. C : f6, C : f6) после приемлемой игрой у черных.

11. Cg5 : f6 e7 : f6
12. 0 — 0 Fd8 — b6
13. 0 — 0 Ce7 : f6

В 12. Ce7 могло быть так же

13. Afl — c1+ Kp8 — d8
14. Fd4 — b4! g6 — g5?

Великолепный ход.

Черные растеряли! Славянский или ход ведет в разгром. Заигрывает еще слабеею продолжением 14. Cd7.

15. Ke5, Ce8, Правая, и тогда после 16. Ke4 белое сохраняли слабейшую атаку.
15. Fd4 — h5 Cf8 — d6
16. Fh5 : f7 Fd8 — f8
17. Fh7 : h7 g5 — g4

Помычка отчаяния!

18. Kf3 — d2 Db6 — c7
19. Fh7 — h6 . . . . .

В выиграв, несмотря на мизус пешки, черные еще могли бы много сопротивляться.

19. . . . . Fd7 — f7
20. Kd2 — e4 Cb6 — e5
21. Ke4 — e5 f6 : e5
22. Fh6 — g2+ . . . . .

Конечно не 22. A : e5? выигрывает 3 хода.

22. . . . . Fd7 — e7
23. Fh5 : e5 Fd7 — e5
24. Afl — e1 C8 h — f5
25. Afl — fl Kp8 — d7
26. f3 : d4 f7 — h5
27. f3 : d4 Cf5 : g4
28. Kf3 — b3 b5 — b4
29. Ke3 — e4 A f8 : fl+
30. Kgl — fl A d8 — f8+
31. Kfl — b1 Cg4 — f5
32. g5 — g4 Cf5 — g6
33. 0 — 0 . . . . .

Флор слался.

Комментарий М. М. Юдовича

10-я партия матча. Голландская

Флор Ботвинник

1. d2 — d4 e7 — e6
2. f7 — f5
3. e2 — g3 Kf8 — f6
4. Cf1 — g2 Cf8 — e7

Проигрывается игра при 4. Cb4.

5. Kbl — c3 d7 — d5

Черные избирают построение, известное в шахматной теории под названием «stone wall» (т. е. «каменной стены»). Другое возможное продолжение является здесь 5. d6, более поднимая центральными пешками, чем в «stone wall».

6. Kgl — f3 e7 — e6
7. 0 — 0
8. b2 — b3 Fd8 — e8
9. Ce1 — b2 Kf8 — d7

Белые получают характерное для данного варианта прочное, то и стесненное положение.

10. Dd1 — d3 Fd8 — h5
11. e4 : d5 e6 : d5
12. Ff3 — d2 Kf6 — e4
13. Kf2 : f3 Ke4 : e3
14. Cl2 : e3 f5 — f4

Партия черных уже определена матчем. Они приступают к прямой атаке.

15. Afl — e1 C7 — d6
16. Kd2 — fl A8 — f7
17. e2 — e3 f6 : g3
18. Kf3 : g3 Fh5 — h4
19. Kf3 — fl Kd7 — f6
20. Ae1 — e2 Ce8 — d7
21. Ce3 — e1 Fh4 — g5
22. Ce1 — g3 Cb6 — g3
23. Kf3 : e3 f7 — h5

Ход, содержащий в себе весьма неприятную, но весьма интересную угрозу — выигрывает фигуру после h5 — h4 — h3.

24. Ae2 — f2 Fg5 — g4

Решающая ошибка; правильно было 25. Ae1 — f1 с возможностью дальнейшего сопротивления.

25. Kf3 — h4 h5 — h4
26. Cg2 — f3 h4 : g3!

Выигрывающая комбинация; за феря черные получают более чем достаточное компенсацию.

27. Cf3 : g3 e3 : f2+
28. Kpg1 — g2 Kf6 : g4
29. h4 — h3 Kd4 — f6
30. Kpg2 : f2 Kf6 — e4+

Флор «слался» ввиду большого поощренного и материального переноса черным (сразу теряется пешка h3, так как на 37. Kp : f3, 38. Kp : f4, 39. Kp : h4, 40. Kp : h3, 41. Kp : h2, 42. Kp : h1, 43. Kp : h1, 44. Kp : h1, 45. Kp : h1, 46. Kp : h1, 47. Kp : h1, 48. Kp : h1, 49. Kp : h1, 50. Kp : h1, 51. Kp : h1, 52. Kp : h1, 53. Kp : h1, 54. Kp : h1, 55. Kp : h1, 56. Kp : h1, 57. Kp : h1, 58. Kp : h1, 59. Kp : h1, 60. Kp : h1, 61. Kp : h1, 62. Kp : h1, 63. Kp : h1, 64. Kp : h1, 65. Kp : h1, 66. Kp : h1, 67. Kp : h1, 68. Kp : h1, 69. Kp : h1, 70. Kp : h1, 71. Kp : h1, 72. Kp : h1, 73. Kp : h1, 74. Kp : h1, 75. Kp : h1, 76. Kp : h1, 77. Kp : h1, 78. Kp : h1, 79. Kp : h1, 80. Kp : h1, 81. Kp : h1, 82. Kp : h1, 83. Kp : h1, 84. Kp : h1, 85. Kp : h1, 86. Kp : h1, 87. Kp : h1, 88. Kp : h1, 89. Kp : h1, 90. Kp : h1, 91. Kp : h1, 92. Kp : h1, 93. Kp : h1, 94. Kp : h1, 95. Kp : h1, 96. Kp : h1, 97. Kp : h1, 98. Kp : h1, 99. Kp : h1, 100. Kp : h1).

Комментарий И. А. Канна

11-я партия. Защита Каро-Канна

Ленинград, 18 декабря 1933 г.
Ботвинник (белые) — Флор (черные)

1. e2 — e4 e7 — e6

Эта защита уже два раза встречалась в матче: в 1-й партии, выигранной Флором, и во 2-й, выигранной Ботвинником. В 3-й партии после того хода продолжалась одинаково (2. d4 — d5 3. e3 : d4, 4. c4 : d4, но в 9-й партии белым значительно услали свою игру 10-м ходом. Теперь Ботвинник идет новыми твуды.

2. e2 — e4 e7 — e6
3. Kgl — f3 d7 — d5
4. e4 : d5 e6 : d5
5. e4 : d5 C8 h — f5
6. Cf1 — b5+ C8 h — d7
7. Cl5 : d7 Fd8 : d7
8. Kf3 — e5 Fd7 — e7
9. 0 — 0 . . . . .

Равенство, белое косвенно выигрывает коня, брат которого черные не могут выиграть.

9. . . . . C18 — d6
10. d2 — d4 Kf8 : e7
11. Kbl — c3 0 — 0

Черным снова невыгодно C : e5.

12. d : e5 Fd5 — e4
12. Cc1 — f4! . . . . .

Сильный ход, атакующий противнику развитие коня h8.

12. . . . . Cb6 : e5

Допущенная выигрывающая атака пахоту D : d6, 15. Kf6, Fd8, 14. K : f6, K : d6, 15. Kf6! Не лучше и 12. . . . Kf6, 13. Kf5, Dd8, 14. K : f6 с последующим 15. K : d6; в обоих случаях белым остаются в лагере барьеры.

13. d4 : e5 Fd7 — d7
14. Fb1 — e2 Kf8 — e6

Анализа после партии показала, что ход 14. Cc1 — f4! в партии 12 : 4 позволил белым стеснить черных.

15. Afl — d1 A8 — e8
16. Afl — e1 d5 — d4!
17. Ke3 — b5 A8 : b3
18. Cf4 — e3 A8 : f3
19. Kh5 : d4 Ke6 : d4
20. Afl : d4 Fd7 : d4
21. Ce3 : d4 A8 : d8
22. Afl — d1 A8 — d8
23. Ae2 — d2 f7 — f6
24. Kpg1 — fl Kpg8 — f7
25. Kf3 — e2 a7 — e6
26. Cd4 — c3 A8 : d2+

Противники согласались на ничью.

Комментарий Н. Д. Григорьева

12-я партия матча. Защита Фроендла

Флор Ботвинник

1. d2 — d4 K8 h6 — f6
2. e2 — e4 g7 — g6
3. Kbl — c3 d7 — d5
4. Kbl — c3 C18 — f7
5. Kbl — c3 f7 — h5
6. Fd1 — b3 e7 — e6
7. Cfl — e2 f7 — b6
8. 0 — 0 C8 h — b7
9. Afl — d1 Kf8 — d7
10. Ce1 — d2 e7 — e5
11. e4 : d5 Kf6 : d5
12. Cf3 — a3 Cb8 — a3
13. Ke3 : d5 Cc7 : d5
14. Ce2 — c3 Fd8 — e8
15. Ce3 : g7 Kpg8 : g7
16. Afl — e1 Kf8 — g8
17. Kf3 — e3 Kpg8 : e8
19. Fd3 — b2 Fh8 — d8
20. Afl — c1 Fh8 — d8
21. Kf3 — d2 Ke1 : d2
22. Fh2 : d2 A8 — e8

Комментарий И. А. Канна

Цена 50 коп.

